

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

(Годъ изданія VII.)

*Свѣтлой памяти
В. И. Селевскаго*

№ 5—12 МАЙ—ДЕКАБРЬ 1919

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стр.</i>
I. Левъ Дейчъ. Почему я сталъ революціонеромъ	5
II. Вѣра Фигнеръ. Изъ исторіи «Народной воли» послѣ 1-го марта 1881 г.	40
III. В. Голицынъ. Москва въ семидесятыхъ годахъ	111
IV. А. В. Кони. Житейскія встрѣчи	163
V. Т. Сухотина-Толстая. «Старушка Шмидтъ»	171
VI. Памяти ушедшихъ:	
Л. Дейчъ. Вѣра Ивановна Засуличъ	199
Л. Дейчъ. Г. А. Лопатинъ	210

Почему я сталъ революціонеромъ.

I.

Наша няня, еще не очень старая, съ симпатичными чертами лица крестьянка великорусской губерніи, попавшая какими-то судьбами къ намъ въ Кіевъ, въ теплый весенній день повела меня и мою сестрешку Соню гулять въ большой фруктовый садъ, примыкавшій къ занимаемому нами извѣстному въ городѣ, дому наследниковъ Шияновыхъ, гдѣ были для насъ, дѣтей, устроены качели! Усадивъ насъ по концамъ доски, она стала медленно ее раскачивать, притоваривая: «Крѣпче держитесь за веревку, дѣточки».

Мнѣ тогда было пять лѣтъ съ нѣсколькими мѣсяцами, сестрѣ—четыре съ половиной. Няню нашу мы очень любили, какъ за добрый привѣтливый нравъ ея, такъ особенно и за рассказываемыя ею намъ чудныя сказки, насколько теперь могу припомнить, вѣроятно, ея собственнаго творчества.

Позитивному, она также къ намъ привязалась, несмотря на то, что мы были «нехристи». Она относилась къ намъ съ нѣжностью и заботливостью, не проявляя нетерпѣнія и раздраженія, когда, раскапризничавшись, мы поднимали крикъ и плачь. Ласками и обѣщаніями приятныхъ намъ вещей или сказокъ, она въ такихъ случаяхъ старалась насъ успокоить. Помню, нравился мнѣ также ея благозвучный, пѣвучій великорусскій говоръ на «о».

Въ церквяхъ заблагоговѣстили, что меня удивило, такъ какъ отъ няни я всегда заранѣе узнавалъ, какой праздникъ, а въ тотъ день она ничего намъ объ этомъ не сказала. На мой вопросъ, почему звонятъ, няня, продолжая лѣвой рукой тихо раскачивать доску, а правой начавъ креститься, сообщила, что наступилъ великій праздникъ, такъ какъ «всему хрестьянскому народу царь-батюшка даровать волю».

Долго, съ умилеіемъ, утирая катившіяся изъ ея глазъ слезы, рассказывала намъ, маленькимъ еврейскимъ дѣтямъ, наша славная няня про жизнь «хрестьянъ у господъ», да про волю, хотя мы тогда

немногое могли понять. Но возможно, что этотъ ея разсказъ, въ связи съ ея слезами и всей, вообще, обстановкой, о которой подробно сообщу ниже, явился первымъ толчкомъ къ развитію въ моемъ характерѣ отъ-зычивости и стремленія облегчать тяжелую долю умственныхъ и преслѣдуемыхъ.

Значительно рельефнѣе, чѣмъ освобожденіе крестьянъ, запечатлѣлось въ моей памяти усмиреніе польскаго возстанія 1863 г., какъ потому, что я былъ старше на два года, такъ и вълѣдствіи большей длительности этого событія; къ тому же оно сопровождалось многими яркими эпизодами.

Мы жили на Петербургѣ, гдѣ, какъ извѣстно, находится крѣпость. Поэтому, во время прогулокъ,—уже не съ няней, а съ гувернанткой, полькой,—нерѣдко мы встрѣчали партіи заковананныхъ повстанцевъ, которыхъ подъ сильнымъ конвоемъ, вели въ казематы. Наша гувернантка, тиетно оставшая между арестованными близкими ей сородичкой, нерѣдко обливалась слезами, что понятнo, и у насъ вызывало къ нимъ жалость.

Среди нашихъ сосѣдей также были поляки, сочувствовавшіе возстанію. По вечерамъ они иногда собирались у насъ, гдѣ не только говорили между собою, а также съ моимъ отцомъ и съ гувернанткой, ма-эль Массальской, на своемъ языкѣ, но также рѣшались, правда, при плотно закрытыхъ окнахъ и ставняхъ, пѣть національные гимны.

Помню, однажды, когда явились гости, подъ аккомпаниментъ игры гувернантки на фортепьяно, заткнули «Еще Польша не опинела».—вдругъ на порогѣ зала появился полицейскій чиновникъ. У всѣхъ отъ испуга вытянулись лица. И было отчето, такъ какъ въ то ужасное время за такое тяжкое преступленіе могли бы здорово поплатиться хозяева и гости. По счастью, этотъ полицейскій, бывший самъ полякомъ, принявшимъ православіе, хорошо зналъ, какъ отца, такъ и всѣхъ у насъ собравшихся, поэтому вмѣсто состывленія, какъ полагалось, протокола, онъ ограничился напоминаніемъ о строжайшемъ запрещеніи пѣть польскіе гимны. Между прочимъ, съ этимъ полицейскимъ, дѣтъ 20 съ чѣмъ-то спустя, судьба свела меня при оригинальнѣйшихъ условіяхъ,—въ арестантской тюремной каретѣ, везшей меня, подъ сильнымъ конвоемъ, на военный судъ, въ Одессѣ *).

Помню также, какое грустное впечатлѣніе производило на меня видъ заключенныхъ повстанцевъ, выглядывавшихъ изъ-за рѣшетокъ, скучившихся на окнахъ суровыхъ, страшныхъ казематовъ, когда мы съ гувернанткой и другіе гуляли вблизи крѣпостного вала. Впослѣдствіи, когда я самъ находился въ тюрьмахъ и въ крѣпости, мнѣ нерѣдко

*) Подробности см. въ моей книгѣ: «16 лѣтъ въ Сибири», стр. 98. Изд. Н. Глаголева.

вспоминались эти польскіе узники и испытанныя мною по этому поводу въ дѣтствѣ ощущенія.

Тогда же всѣхъ насъ крайне огорчилъ разнесшійся слухъ, что попытка подготовленная попытка заключенныхъ къ побѣгу изъ крѣпости не осуществилась изъ-за глупой случайности: однажды, какая-то баба на ровномъ гладкомъ мѣстѣ вдругъ провалилась въ образовавшуюся подъ нею яму. Когда послѣднюю разсмотрѣли, то убѣдились, что то былъ подкопъ, проведенный изъ крѣпости заключенными въ ней повстанцами. Само собой разумѣется, послѣ этого начались строгости; положеніе арестованныхъ сильно ухудшилось.

Конечно, не все происходившее и вызывавшее у взрослыхъ слезы, тревоги и опасенія было мнѣ понятно. Прежде всего, я никакъ не могъ постичь, почему «поляки взбунтовались». Когда же я отъ кого-то узналъ, что они «захотѣли воли», то недоумѣвалъ, почему царь-батюшка «хрестынями» дасть ее, а полякамъ не захотѣть.

На подобныя вопросы, съ которыми я обращался къ гувернанткѣ, м-ель Массальской, и къ другимъ взрослымъ, я, понятно, получалъ уклончивыя, а слѣдовательно, неудовлетворительныя отвѣты, что еще болѣе возбуждало мое любопытство.

Мои симпатіи были, конечно, на сторонѣ поляковъ, и эти дѣтскія впечатлѣнія, полагаю, не остались безъ значительнаго вліянія на мое отношеніе къ представителямъ этого угнетеннаго народа въ теченіе дальнѣйшей моей жизни: всюду, куда не забрасывала меня судьба, я всегда находилъ друзей и пріятелей среди поляковъ.

Но еще ярче, чѣмъ указанныя два историческія событія, удержалось въ моей памяти третье, происшедшее, когда мнѣ минуло десять лѣтъ, и меня собирались опредѣлить въ гимназію.

Торопливо вошедшая къ намъ, знакомая молодая дама-еврейка, еще не успѣвъ снятъ съ плеча тальму, на ходу, взволнованнымъ голосомъ произнесла: «Слыхали ужасную новость,—въ царя стрѣляли какой-то злодѣй». Затѣмъ она стала шопотомъ передавать, извѣстныя ей подробности о покушеніи Каракова на Александра II и о «чудою-помогъ спасеніи царя мужичкомъ Комиссаровымъ».

Это сообщеніе чрезвычайно встревожило и огорчило моихъ родныхъ, да и насъ, дѣтей, насколько, конечно, мы тогда могли понимать значеніе этого чрезвычайнаго политическаго событія.

Дѣло въ томъ, что Александръ II въ ту пору былъ еще очень популяренъ среди моихъ единоплеменниковъ, благодаря предоставленнымъ имъ облегченіямъ, послѣ жестокостей и изувѣрствъ, практиковавшихся по отношенію евреямъ въ царствованіе его отца, Николая I. Неудивительно, поэтому, что евреи, называвшіе Александра «дерь гитеръ кейзеръ» (добрый царь), искренно радовались его спасенію отъ выстрѣла Каракова и негодовали на послѣдняго.

Хорошо помню также всевозможные рассказы и слухи, циркулировавшіе въ городѣ по поводу происходившихъ въ разныхъ мѣстахъ арестовъ ни въ чемъ непопулярныхъ людей. Результатомъ этихъ преслѣдованій была охвачившая всѣхъ неувѣроятная паника, а также открывшаяся у многихъ склонность къ доносамъ. Страхъ быть замѣшаннымъ, у нѣкоторыхъ, совсѣмъ непричастныхъ ни къ какой политикѣ, доходилъ прямо до комизма: даже близкимъ, пользовавшимся полнымъ ихъ довѣріемъ лицамъ, эти напуганные лица сообщали о самыхъ безобидныхъ вещахъ шепотомъ и подъ секретомъ.

Относительно, я тогда уже многое понималъ въ «политикѣ». Чтобы объяснить, какъ это произошло въ столь раннемъ возрастѣ у еврейскаго мальчика десяти лѣтъ, я долженъ, хотя бы вкратцѣ, сообщить о моихъ родителяхъ, слѣдовательно, и объ условіяхъ моего воспитанія.

II.

Мой дѣдъ со стороны отца прибылъ въ Россію изъ Австріи. Потому въ Каменецъ-Подольскѣ, гдѣ онъ поселился, его стали называть «дерь Дейтль», а когда евреямъ при Николаѣ I начали давать фамиліи, то вмѣсто Брейтманъ, какъ онъ назывался въ Австріи, за нимъ укрѣпилась данная ему въ Каменецъ-Подольскѣ кличка. Передаю это сообщеніе о происхожденіи нашей фамиліи со словъ родныхъ, не ручаясь за его точность.

Отецъ мой, купецъ первой гильдіи, былъ для своего времени— для 50-хъ и 60-хъ гг. мин. ст.—крайне рѣдкимъ явленіемъ не только среди своихъ сосѣдскихъ во всевозможныхъ суевѣріяхъ и предрасудкахъ единоувѣрцевъ, но также и между лицами его слоя, принадлежавшими къ христіанскимъ націямъ.

Кажется, самоучкой усвоилъ онъ русскую грамоту, что въ ту пору полнаго невѣжества, вообще, среди представителей третьяго сословія, а среди евреевъ, въ особенности, являлось очень рѣдко. Онъ вовсе не былъ религіозенъ, скорѣе могъ быть причисленъ къ свободомыслящимъ, но по дѣловымъ соображеніямъ считалъ нужнымъ исполнять, хотя далеко не всѣ религіозные обряды. Говорилъ отецъ безъ акцента и по внѣшности—большой окладистой бородѣ, костюму и пр.—походилъ на вполне культурнаго человѣка, скорѣе на великорусскаго или даже европейскаго коммерсанта. Знакомство съ предютиченскими вельями съ христіанами, чему, вѣроятно, содѣйствовало то обстоятельство, что на Печерскѣ евреи не имѣли права селиться, за исключеніемъ купцовъ 1-й гильдіи.

Со всякаго рода начальствомъ отецъ держалъ себя довольно независимо и въ обращеніи со всѣми былъ вѣжливъ, корректенъ, прямъ,

но временами, если задѣвали его честь, бывалъ до того вспыльчивъ, что совершенно терялъ равновѣсіе и забывалъ мѣру. Въ такіе моменты онъ былъ способенъ на самыя крайнія выходки, доходивъ чуть не до уголовныхъ преступленій, проявившихъ ему судомъ. Простывши, ему затѣмъ приходилось некупать приступы вспыльчивости денежными вознагражденіями, какъ лицъ потерпѣвшихъ отъ него, такъ и властей, чтобы потушено было начатое противъ него дѣло.

Занимался отецъ исключительно казенными подрядами, и въ описываемое мною время, т. е. въ первой половинѣ 60-хъ гг., доставлялъ все, что требовалось для огромнаго военнаго госпиталя на нѣсколько тысячъ больныхъ, помѣщавшагося на Печерскѣ. «Дѣло» это считалось большимъ и очень выгоднымъ. Во время крымской кампаніи отецъ, какъ рассказывали, на подрядахъ же нажить большое состояніе и считался богатымъ человекомъ.

Не получивъ самъ систематическаго образованія, онъ, однако, стремился воспитать насъ, дѣтей, которыхъ было у него семеро, наилучшимъ, какъ онъ понималъ, образомъ. Такъ, кромѣ гувернантки, о которой я уже упоминалъ, у насъ, меньшихъ, былъ еще репетиторъ по общимъ предметамъ. Старшіе же три сестры посѣщали гимназію и обучались музыкѣ у лучшаго въ Кіевѣ пианиста и пр.

При всякомъ поводѣ отецъ внушалъ намъ, какъ важно быть образованными людьми и на наше воспитаніе не жалѣть средствъ, пока обладаешь ими. Но, увы! Какъ все на свѣтѣ не вѣчно, непрочными также оказались вскоре и «болышіе матеріальныя средства», которыми, по мнѣнію всѣхъ родныхъ, знакомыхъ и даже самой жены его, будто бы обладалъ отецъ.

Мать моя была чрезвычайно доброй, безпредѣльно преданной семьѣ женщиной, способной ради послѣдней на самыя крайнія жертвы. Въ противоположность отцу, она была довольно религіозна, строго соблюдала всѣ обряды, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, безгранично вѣря въ авторитетъ мужа, соглашалась, чтобы мы получили вмѣстѣ «христіанское воспитаніе».

Несмотря на полное незнакомство съ русской литературой, а тѣмъ болѣе, съ исторіей, мать, по случайному стеченію обстоятельствъ, оказала въ нѣкоторомъ родѣ вліяніе на чрезвычайно раннее мое ознакомленіе съ «политикой», о чемъ я уже выше упомянулъ. Дѣло въ томъ, что она была уроженкой м. Тульчища, которое, какъ извѣстно, въ 20-хъ гг. мин. ст. являлось центромъ Южнаго общества декабристовъ. Мать знала нѣкоторыя имена—Пестеля, Муравьева-Апостола, а также постигшую ихъ судьбу. Не разъ, по вечерамъ, за семейнымъ столомъ, освѣщеннымъ большой висючей лампой, она любила дѣлиться своими воспоминаніями о жизни въ Тульчищѣ, и, между прочимъ, слышанными ею тамъ разсказами о заговорѣ Пестеля и его товарищей.

Меня и до сих пор удивляетъ, какимъ образомъ въ памяти простои еврейки, не знавшей русской грамоты, живо удержались, хотя бы и не вполне вѣрные представленія о столь отдаленномъ времени, когда она едва только могла появиться на свѣтъ. Ясно изъ этого, что заговоръ декабристовъ произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣнiе на еврейское населенiе м. Тульчина, и лица, близкія моей матери, долго спустя, послѣ открытія этого заговора, рассказывали ей о немъ.

Передавая взрослымъ членамъ своей семьи все извѣстное ей о декабристахъ, мать рѣшительно не считалась съ присутствовавшими при этомъ и малолѣтними своими дѣтьми, въ полной, вѣроятно, увѣренности, что они ничего не понимаютъ изъ ея сообщеній.

Не знаю, что изъ этого удержалось въ памяти младшихъ моихъ сестеръ, но относительно себя могу сказать, что хотя, дѣйствительно, много изъ этихъ разговоровъ я не понималъ, все же кое-что запомнилъ, а именно, что были генералы, полковники, князья, которые пошли войной противъ царя. Главнымъ ихъ начальникомъ былъ полковникъ Пестель. Но царь его войско разбилъ, всѣхъ забралъ въ плѣнъ, а потомъ велѣлъ кого повѣсить, кого въ Сибирь сослать.

Едва ли тогда многіе русскіе дѣти моего возраста имѣли даже такія свѣдѣнія о декабристахъ.

Съ тѣхъ отдаленныхъ временъ всегда, когда мнѣ приходилось читать о декабристахъ, въ моей памяти тотчасъ воскресали рассказы о нихъ моей матери.

скаго характера, на раннее мое развитіе значителное вліяніе оказало.

Въ связи съ приведенными крупнѣйшими событіями политическаго обстоятельства, что я росъ среди пяти сестеръ, изъ которыхъ три были старше меня на нѣсколько лѣтъ. Онѣ вели между собою, а также съ подругами и съ занимавшимися ихъ развитіемъ молодыми людьми, — почти исключительно, передовыми студентами, — разныя бесѣды, къ которымъ я внимательно прислушивался и навсегда запоминалъ.

Но едва ли не большую еще роль въ моей судьбѣ сыграли часть города, а также и домъ, въ которомъ наша семья жила въ теченіе пятнадцати лѣтъ, — съ самаго ранняго моего дѣтства, вплоть до отроческаго возраста.

III.

Я уже упомянулъ, что мы жили на Петербургѣ, гдѣ, какъ извѣстно, находится лагерь съ знаменитыми пещерами, въ которыхъ хранятся мощи многихъ святыхъ. Съ ранняго дѣтства водила меня туда няня, что, несомнѣнно, у меня, еврейскаго мальчика, не получившаго никакого религіознаго воспитанія, вызывало массу недоумѣній, вопросовъ, а также

сострадания, при виде многочисленных лиц и калѣкъ возлѣ лавры. Но вслѣдствіе съобщенія непонятнаго и загадочнаго, Печерскъ заключалъ въ себѣ много величественнаго и удивительно живописнаго, напримѣръ, видъ съ крутого спуска на Дѣлябрь, Аскольдова могила и пр.

Другія впечатлѣнія и ощущенія вызывалъ во мнѣ упомянутый уже домъ Шیانовыхъ, къ слову, описанный Н. С. Лѣсковымъ, но еще въ болѣе раннюю эпоху, въ концѣ сороковыхъ годовъ (см. его очеркъ «Печерскіе антики», т. 45-й, изд. Маркса).

Этотъ домъ съ тремя флигелями занималъ обширное пространство, окруженное съ трехъ сторонъ: Большою Шیانовскою, Малою Шیانовскою улицами и Шیانовскимъ переулкомъ, съ четвертой стороны, куда примыкалъ большой фруктовый садъ, разстилалась базарная площадь. Одно уже названіе улицъ показываетъ, что владѣлецъ запымаемаго нами дома былъ вліятельный человѣкъ.

Дѣйствительно, о старомъ Шیانовѣ сообщали, что онъ былъ богатѣйшимъ помѣщикомъ, имѣвшимъ крупное имѣніе. Передавали, будто самъ Николай I, прѣзжая въ Кіевъ, дѣлалъ визитъ старому саловнику. О его независимомъ характерѣ, поведеніи, а также жестокости въ обращеніи съ крѣпостными и о его чудачествахъ циркулировали безконечныя разсказы, смахивавшіе на легенды, что, конечно, немало дѣйствовало на мое воображеніе.

Мы снимали домъ съ многочисленными его постройками за сравнительно незначительную плату, и отъ себя родители сдавали въ наемъ флигеля. Въ нихъ обиталъ самый разнообразный людъ, начиная съ помещиковъ и чиновниковъ и кончая мѣщанами, ремесленниками и лицами безъ определенныхъ занятій. Одинъ наиболѣе обширный флигель, населенный настоящею голытьбой, состоялъ изъ многочислыхъ отдѣльныхъ комнатъ, въ два ряда, съ русскими печами. Какъ передавали, при крупности смъ нравѣ, тамъ помѣщалась дворня, а также собственный оркестръ владѣльца. При мнѣ тамъ еще жили нѣкоторые изъ бывшихъ дворовыхъ, много и охотно разсказывавшіе о господствовавшемъ незадолго передъ тѣмъ жестокомъ стрѣбѣ.

Въ обширномъ одноэтажномъ деревянномъ домѣ, на высокомъ каменномъ фундаментѣ, съ маленькимъ мезонинномъ, былъ рядъ большихъ парадныхъ комнатъ, уставленныхъ старинной изъ краснаго дерева мебелью, сдѣланной крѣпостными мастерами владѣльца. За ними шло нѣсколько небольшихъ уютныхъ комнатъ, выходившихъ окнами въ садъ и служившихъ спальнями.

Мнѣ чрезвычайно нравились, какъ домъ съ расположеніемъ комнатъ и ихъ мебелью, такъ и флигеля, садъ, дворы и постройки. Отъ всего этого вѣяло старинной, таинственностью и особенной поэзіей. Конечно, на это мое впечатлѣніе въ сильной степени вліяли, вѣроятно, разсказы бывшихъ дворовыхъ, ютившихся въ указавшемъ флигелѣ. Но

и независимо отъ этихъ легендъ, во всемъ мною выше перечисленномъ дѣше и для человека, совершенно неопьяннаго въ прошлое дома Шияновыхъ, было много безконечно интереснаго и загадочнаго.

Нетрудно, поэтому, представить себѣ, какъ дѣйствовали на мое воображеніе эти живые памятники былого, если принять во вниманіе, что я люблю читать старинныя разсказы, а также, конечно, Майнъ-Рида, Кулера и т. п. сочиненія.

Въ загущенномъ, заросшемъ высокими кустарничками саду я, по-лѣтню, дѣлалъ видъ, что разыскиваю страшныхъ разбойниковъ или индѣйцевъ, а въ самомъ домѣ строилъ предположенія, что въ немъ происходило раньше.

Особенно пріятелекателенъ былъ мнѣ мезонинъ. Весной туда доносился чудный аромат изъ сада, а также, по вечерамъ, безконечныя трели соловья, изъ годъ въ годъ прилетавшаго и устранивавшася на одномъ изъ самыхъ близкихъ деревьевъ. Отрываясь отъ наиболѣе интересной повѣсти, я по цѣлымъ часамъ слушать его, боясь прельститься. Ни съ чѣмъ не могу сравнить это наслажденіе.

Съ мезониномъ, согласно преданію, къ тому же связанъ былъ таинственный романъ, герой котораго не только былъ еще въ живыхъ, но явился другомъ нашей семьи и любимцемъ всѣхъ насъ, дѣтей. Я имѣю въ виду описаннаго Н. С. Лѣсковымъ въ очеркѣ «Печерскіе антики» старата полковника Кесаря Степановича Берлинскаго. Онъ приходился нашимъ ближайшимъ сосѣдомъ и навѣщалъ насъ, за рѣдкими исключеніемъ, каждый вечеръ, чему всѣ члены нашей семьи были очень рады, такъ какъ, кромѣ олицетворенія доброты, привѣтливости и вниманія, старый полковникъ являлся живой исторіей не только дома Шияновыхъ, Печерска и Кіева, но и всей Россіи. Лѣсковъ несколько не стеснялъ красокъ, описавъ этого «печерскаго антика». Много на своемъ вѣку видѣлъ я всевозможныхъ чудаковъ, но такого оригинала, какимъ былъ Кесарь Степановичъ, никогда не встрѣчалъ я. Отсылая интересующихся имъ къ очерку Лѣскова, я сообщу здѣсь, что помню о его романѣ, конечно, несколько не ругаясь за его точность.

Будущи молодымъ и бѣднымъ офицеромъ, Берлинскій какъ-то познакомился съ дочерью богатаго помѣщика Шянова. Молодые люди полюбили другъ друга, а такъ какъ на согласіе отца на ихъ бракъ не было у нихъ надежды, то они рѣшили обѣнчаться тайкомъ. Для осуществленія этого плана отважному офицеру, несмотря на большую опасность, которой онъ и любимая имъ дѣвушка подвергались, пришлось похитить ее изъ мезонина, черезъ окно, выходившее въ садъ, путемъ приставленнаго къ нему лѣстницы.

Долго затѣмъ бѣдствовала молодая чета, число сыновей у которой быстро росло. Когда у Берлинскаго оказалось цѣлыхъ десять годовыхъ въ военную службу мотоцистовъ, на помощь въ воспитаніи ихъ

принять Николая I. Впоследствии сжалился и старый Шиянов, на-
дѣланный непослушную дочь свою однимъ изъ флигелей, примыкав-
шихъ къ его дому.

Когда моя семья познакомилась съ полковникомъ Берлинскимъ,
изъ одиннадцати его сыновей въ живыхъ оказался только одинъ —
единственный, самый младшій, — горбатый, застычивый, ницѣ рѣши-
тельно не показывавшійся. Жена полковника также давно умерла. Самъ
онъ, несмотря на чрезвычайно преклонный свой возрастъ, былъ еще
довольно бодръ, на улицѣ онъ всегда былъ окруженъ нѣсколькими
старыми породистыми собаками, еле волочившими уже ноги, въ кото-
рыхъ души не чаялъ.

Насъ, дѣтей, Кесарь Степановичъ также любилъ и часто баловалъ
лакомствами, которыми наполнены были его карманы. Но еще болѣе,
чѣмъ конфеты и другія сладости, я цѣнилъ его безконечные рассказы,
въ которыхъ были съ нѣбылицей тѣсно переплетались, въ чемъ я не
могъ тогда разобраться. Онъ умеръ, когда я уже поступилъ въ гимна-
зю, и мы всѣ искренно пожалѣли этого оригинальнѣйшаго «антика».

Кромѣ полковника Берлинскаго, во флигеляхъ и въ домахъ, со-
седнихъ съ нашими, было немало и другихъ интересныхъ типовъ, отъ
которыхъ я имѣлъ полную возможность многое узнать, почерпнуть.
Жизнь этихъ людей была у всѣхъ на виду, никто изъ нихъ не скры-
валъ ничего отъ глазъ и ушей остальныхъ; скорѣе, наоборотъ, какъ
радость, такъ и горе немедленно сообщались каждому.

Непосредственное знакомство съ разнообразнымъ населеніемъ
пятиповальныхъ флигелей и улицъ давало обильный матеріалъ моему
восбужденію и оказало неоцѣнимую услугу умственному моему развитію.

IV.

Родители и гувернантка, конечно, не поощряли ни этихъ зна-
комствъ, ни игръ съ уличными моими сверстниками, да я и самъ не
былъ охотникомъ до послѣднихъ. Такъ, я никогда не игралъ ни въ
бабки, ни въ лалту, ни даже въ мячъ. Болѣе того: отецъ хотѣлъ на-
учить меня верховой ѣздѣ и велѣлъ выбрать смирную лошадь. Но, по-
пробовавъ раза два сѣсть на нее, я на-отрѣзъ отказался отъ дальнѣй-
шихъ упрямленій. Словомъ, я не имѣлъ ни малѣйшихъ склонностей
ни къ какимъ рѣшительно играмъ и развлеченіямъ, если не считать
чтенія книгъ. Но зато съ раннихъ лѣтъ я любилъ участвовать въ
разговорахъ со взрослыми, а затѣмъ хвастать передъ сверстниками
всѣмъ услышаннымъ, а также и услышаннымъ мною изъ книгъ. Под-
хвативъ, напримѣру, изъ бесѣдъ старшихъ сестеръ о различіи между
аристократами и демократами, я обращалъ затѣмъ къ знакомымъ

матьишкамъ на улицѣ или на нашемъ дворѣ съ вопросомъ: «А знаете, кто я по убѣжденію»? И, не дождавшись отвѣта на этотъ вопросъ, котораго они, конечно, не понимали, заявлять: «Я—демократъ», постѣ что объяснять имъ, какая разница между адистократомъ и демократомъ.

Перечитавъ въ 11—12 лѣтъ многіе произведенія случившихъ на-шихъ беллетристовъ, я изъ нихъ, а также изъ разговоровъ старшихъ сестеръ съ передовыми студентами, постигавшими нашу семью, усвоить самыя либеральныя взгляды и рано стать засаждать гуманистическими планами.

Кромѣ указанныхъ обстоятельствъ, аналитическую, если не ска-зать преобладающую роль въ нашемъ моемъ развитіи, сыграло разо-рѣніе отца, сопряжавшее съ моимъ поступленіемъ въ гимназію.

Уже задолго до этого ему измѣнилось счастье, начались неудачи: то онъ получилъ невыгодныя цѣны на контрактованныя имъ для госпитали продукты, то пошлы неудачи и пр. Чтобы исполнять по-друзды, онъ не только долженъ былъ затратить имѣвшіеся у него соб-ственные средства, но также влѣзъ въ долги, платя большіе проценты. Надѣясь еще поправить свои разстроенныя дѣла, отецъ въ теченіе довольно продолжительнаго времени старался скрыть отъ всѣхъ, даже отъ матери, положеніе дѣлъ. Но по его раздражительности и крайне-несправедливымъ выходкамъ можно было догадаться, что происхо-дитъ что-то печальное. Когда, наконецъ, невозможно было болѣе скры-вать дѣйствительное положеніе, онъ сообщилъ взрослымъ членамъ семьи, что разорился...

Вскорѣ затѣмъ, —помню это было въ субботу, вечеромъ, — къ намъ явился все тотъ же полицейскій чиновникъ, въ сопровожденіи городского, и, взявъ со отца подписку о невыѣздѣ, удавился, оста-вивъ у насъ ночевать городского.

Посоветовавшись съ матерью и отдавъ ей нѣкоторыя распоря-женія, отецъ велѣлъ заложить лошадь на которой и уѣхать, не по-прощавшись ни съ кѣмъ изъ насъ дѣтей. Съ тѣхъ поръ слѣ стать «платегальнымъ», проживая подъ чужимъ паспортомъ въ Петербургѣ, гдѣ я съ нимъ свидѣлся девять лѣтъ спустя, также въ качествѣ «платегальнаго». Но возвратимся къ «среднимъ шестидесятымъ годамъ» и посмотримъ, какъ устроилась наша семья постѣ разоренія и бѣгства отца отъ кредиторовъ, собиравшихся засадить его въ тюрьму, какъ «злостнаго банкрота», каковымъ онъ не былъ въ дѣйствительности.

Мягкая, добродушная, производившая впечатлѣніе безвольной женщины, такъ какъ надъ нею тяготѣлъ самоуверенный и непреклон-ный нравъ мужа, мать моя не растерялась постѣ постигшаго ее двой-ного несчастья—разоренія и разлуки, быть-можетъ, навсегда съ му-жамъ (многo лѣтъ спустя, когда отецъ вновь стать легальнымъ и за-

жкиточнымъ, она двигѣлась съ нимъ), она энергично принялась за приведеніе въ порядокъ разстроеннаго хозяйства: продана лошадей, за исключеніемъ пары, также коровы, экипажы все прочее, съ чѣмъ можно было расстаться; уплатила часть долговъ наиболѣе бѣднымъ, нуждающимся кредиторамъ; изъ подрядковъ въ госпиталь оставила за собою только нѣкоторые—доставку молока, пшашеной канусты; сдала въ наемъ и часть дома, въ которомъ было 12 комнатъ и т. д.

Однако, несмотря на всю проявленную матерью предприимчивость, наше матеріальное положеніе было до того печально, что три старшія сестры, находившіяся уже въ послѣднихъ классахъ гимназіи, припущены были прекратить ихъ посѣщеніе, за невозможностью вносить, въ сущности незначительную плату за ихъ ученіе. Мать съ трудомъ, помню, скопчила десять рублей, слѣдовавшие за мое право ученія, да и это ей удавалось уже послѣ того, какъ мнѣ въ гимназіи грозили, что я буду уволенъ, если не принесу денегъ къ такому-то послѣднему сроку.

Уже не на прекрасномъ рысакѣ, запряженномъ въ кабриолетъ, какъ то было въ прежніе года, а пѣшкомъ въ дождь, вьюгу и морозъ плелся я въ худенькомъ пальтишкѣ ежедневно съ Печерска въ гимназію, отстоявшую отъ дома Шишовыхъ на разстояніи трехъ верстъ. При этомъ очень часто у меня не было съ собой никакого завтрака, а также пяти копеекъ, чтобы купить что-либо съѣстное въ гимназію.

Мало того: перешедши только во второй классъ, я уже сталъ заниматься репетиторствомъ, готовя такого же маляша, закимъ я былъ самъ, за гонораръ въ одинъ рубль въ мѣсяцъ, въ первый классъ.

Не буду долѣе распространяться за эту тему, скажу лишь, что я не только посмотрѣлся, живя въ оригинальномъ домѣ Шишовыхъ, на чужія горести и бѣдствія, но съ 11—12-ти лѣтъ самъ въ достаточной мѣрѣ натерпѣлся всякихъ нуждъ и лишеній. Но я никогда не сътовать на отца за то, что онъ внезапно лезъ довольства, даже лезъ роскоши, повергъ насъ чуть не въ нищету. Наоборотъ, я всегда и до сихъ поръ признателенъ и благодаренъ ему за его стремленіе доставить намъ образованіе. Что же касается его башаротства, то, какъ показали послѣдствія, оно также было мнѣ, по крайней мѣрѣ, на пользу, выработавъ во мнѣ способность къ самостоятельности и труду, а главное—сблизивъ и научивъ понимать другихъ обездоленныхъ.

V.

Время моего поступленія въ гимназію совпало съ назначеніемъ, послѣ каракозовскаго покушенія, министромъ народнаго просвѣщенія извѣстнаго своимъ обскурантизмомъ гр. Д. Толстого, прославившагося введеніемъ у насъ классицизма. Это обстоятельство также имѣло огромное вліяніе въ моей жизни.

Настышавшіеся съ дѣтскихъ лѣтъ отъ взрослыхъ о взглядахъ Писарева, я, конечно, причислялъ себя къ «реалистамъ» и являлся яркимъ противникомъ классицизма пр. Д. Толстого и его сподвижника Каткова, я съ ранняго дѣтства ненавидѣлъ до глубины души. Миѣ, поэтому, ужасно тяжело было мириться съ необходимостью тратить массу времени на изученіе ненужныхъ древнихъ языковъ.

Но я не только при поступленіи въ гимназію былъ «демократомъ» и «реалистомъ»: благодаря тому же влиянію, я уже въ ту раннюю пору являлся также и «атеистомъ», что было вполне естественно, такъ какъ я не получилъ еврейскаго религіознаго воспитанія и враждовалъ, — какъ уже сообщалъ, — преимущественно среди христіанъ.

По поводу моего ранняго «атеизма» помню слѣдующій случай, поразившій всѣхъ моихъ единоплеменниковъ-гимназистовъ, которыхъ, къ слову, въ то время принимали въ учебныя заведенія внѣ процентовъ.

Однажды, въ одинъ изъ первыхъ дней моего поступленія въ гимназію, когда я во время большой перемены улетѣлъ купленные у соседа горячія сосиски, ко миѣ подошелъ гимназистъ-еврей, одного изъ старшихъ классовъ. Увидѣвъ, что я ѣмъ «трафное», онъ принялъ въ ужасъ и съ возмущеніемъ спросилъ, какъ могу я совершать столь противное Іеговѣ дѣланіе. На это я ему отвѣтилъ, что никакого Бога нѣтъ, и у насъ завязался горячій споръ. Послѣ этого всѣ гимназисты-евреи узнали, что я мальчикъ 1-го класса, отрицаю существованіе Бога, почему сразу приобрѣлъ извѣстность.

Гимназія въ тѣ времена оказывала незначительное вліяніе на умственное развитіе учениковъ, — главную роль въ этомъ отношеніи играли домашняя среда и внѣшнія условія ихъ жизни. Въ особенно сильной степени это подтвердилось на миѣ.

Не только мои сверстники, но и юности съ пробывавшейся на ихъ лицахъ растительностью, напримѣръ, еще не слышали ни слова о Чернышевскомъ, когда я уже зналъ о трагической его судьбѣ и въ 13—14 лѣтъ перечиталъ знаменитый тогда романъ его «Что дѣлать».

Затѣмъ, нѣсколько позже, познакомился я и съ нѣкоторыми произведеніями Добролюбова, Писарева, а также Лассаля, Милля, Бокля и др. Конечно, далеко не все понималъ я изъ прочитаннаго; все же даже и поверхностное знакомство съ популярными тогда писателями несомнѣнно имѣло вліяніе на мое развитіе.

Съ юнаго возраста, я, прозябая, являлся яркимъ сторонникомъ эмансипаціи женщинъ и въ ихъ защиту велъ диспуты съ значительно болѣе горя старшими противниками.

Я также рано, конечно, перечиталъ произведенія нашихъ беллетристовъ: изъ нихъ наибольшими моими симпатіями пользовался Тургеневъ, но Базаровъ миѣ не нравился. Любимѣйшимъ же миѣ поэтомъ

быть Некрасовъ, огромное число стихотвореній котораго я зналъ цѣликомъ наизусть. Пушкина, вслѣдъ за Писаревымъ я, понятно, считалъ отсталымъ.

Такой моей «разносторонностью» иногда пользовались товарищи: желая отдѣлаться отъ урока того или другого учителя, они просили меня «завести его», что значило завязать съ нимъ продолжительную бесѣду по какому-нибудь вопросу, что я не безъ успѣха исполнялъ.

Изъ учителей, пользовавшихся симпатіями гимназистовъ первое мѣсто занималъ Тумасовъ, преподававшій исторію, затѣмъ учитель русскаго языка П. И. Житецкій, извѣстный украинофилъ, и учитель греческаго языка Юркевичъ. Эти лица являлись передовыми, гуманными, старавшимися способствовать умственному развитію гимназистовъ.

До 1871 года я, благодаря описаннымъ условіямъ, рѣшительно не чувствовалъ себя членомъ гонимой, преслѣдуемой націи. Всегда окруженный христіанами я не имѣлъ яснаго представленія объ ограниченіяхъ въ правахъ, тяготѣвшихъ надъ моими единоплеменниками да и вообще я не задумывался объ ихъ положеніи. Не испытывая самъ никакихъ стѣсненій и не слыша отъ окружающихъ меня лицъ ничего такого, что возбуждало бы во мнѣ націоналистическіе чувства, я считалъ себя русскимъ по симпатіямъ, стремленіямъ, идеаламъ.

Но на Пасхѣ 1871 г. въ Одессѣ разразились первые анти-еврейскіе беспорядки. Это печальное происшествіе вдругъ открыло мнѣ глаза. Оно всколыхнуло всю нашу семью, близкихъ и знакомыхъ намъ евреевъ, всюду вызвавъ сильнѣйшее огорченіе и удрученное состояніе. Затѣмъ пошли толки и споры о томъ, виноваты ли также и евреи въ ненависти, которую питають къ нимъ христіане. Нѣкоторые изъ спорившихъ, и я въ ихъ числѣ, признавали, что и наши единоплеменники даютъ достаточно поводовъ къ недружелюбному къ нимъ отношенію, изъ нихъ главнымъ является ихъ предпочтеніе къ непродуманнымъ, легкимъ и болѣе прибыльнымъ занятіямъ. Необходимо, поэтому, стремиться, чтобы еврейская масса взялась за тяжелый, преимущественно физическій трудъ, и въ этомъ еврейская интеллигенція обязана прийти ей на помощь. Она должна содѣйствовать освобожденію своихъ сородичей отъ суевѣрій, предразсудковъ, вредныхъ привычекъ, словомъ, нужно выпалить евреевъ изъ тьмы и нищеты, въ которыхъ коснеетъ преобладающее ихъ большинство. Къ этой задачѣ слѣдуетъ также привлечь состоятельныхъ и богатыхъ соплеменниковъ, такъ какъ они не могутъ оставаться равнодушными къ участи своихъ невѣжественныхъ и обездоленныхъ единовѣрцевъ.

Мнѣ не было еще семнадцати лѣтъ, когда я принялся за практическое осуществленіе этой цѣли.

Въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ городахъ еврейской осѣдлости, существовало заведеніе для бѣдныхъ сиротъ, называвшееся «Талмудъ-

Тойре», въ которомъ, какъ показывается его названіе, еврейскіе мальчишки изучали религиозныя произведенія. Содержалось оно на средства еврейскаго благотворительнаго общества, не проявлявшаго большой щедрости: дѣти, жившіе въ этомъ заведеніи, получали скудную пищу, неважную одежду и пр. По окончаніи наукъ они затѣмъ выходили на жизненное поприще столь же неподготовленными къ производительному труду, какими были и до поступленія въ «Талмудъ-Тойре».

Я и нѣсколько моихъ товарищей,—преимущественно студенты и гимназисты послѣднихъ классовъ,—заявили комитету, завѣдывавшему этимъ учрежденіемъ, что мы готовы безвозмездно обучать содержавшихся въ немъ сиротъ русскому языку, ариѳметикѣ, исторіи, на что оны выразили полное согласіе.

Съ неимовѣрнымъ пыломъ принялись мы за обученіе ребятшекъ и вскорѣ замѣтили, что нѣкоторые изъ нихъ, отличавшіеся выдающимися способностями и усердіемъ, обнаруживаютъ изумительные успѣхи. Это обстоятельство, въ связи съ вышеизложенными взглядами относительно неподготовленности еврейскихъ бѣдняковъ къ полезнымъ и производительнымъ занятіямъ, привело меня и нѣкоторыхъ другихъ учителей-добровольцевъ къ заключенію, что невозможно довольствоваться однимъ обученіемъ этихъ мальчишковъ общеобразовательнымъ предметамъ, что даже при полномъ усвоеніи учениками всѣхъ преподаваемыхъ нами наукъ, они не только освободятся отъ необходимости заниматься непроизводительными профессіями, но, наоборотъ, получать еще лучшую, чѣмъ раньше, къ этому подготовку. Чтобы избѣжать столь печальныхъ результатовъ нашихъ усилій и стремленій, я предложилъ товарищамъ-учителямъ поставить еврейскому благотворительному обществу ультиматумъ: только въ томъ случаѣ мы будемъ продолжать свои занятія, если, наряду съ общими предметами, этихъ сиротъ будутъ обучать разнымъ ремесламъ;—сапожному, портняжному, переплетному, столярному, слесарному. Мало того: рядомъ съ этимъ мы должны настаивать, чтобы самыхъ способныхъ и талантливыхъ учениковъ еврейскіе богачи помѣщали и содержали на свой счетъ въ реальное училище или въ гимназію, согласно нашему указанію.

Товарищи вполне одобрили это предложеніе и для его осуществленія выбрали комиссію изъ трехъ лицъ,—меня и еще двухъ, на нѣсколько лѣтъ меня старшихъ студентовъ.

Администрація «Талмудъ-Тойре», какъ я уже упомянулъ, чрезвычайно цѣнившая наши занятія съ питомцами этого учрежденія, съ радостью ухватилась за нашъ планъ обученія дѣтей также и ремесламъ. Но не отъ нея зависѣло осуществленіе этого предложенія, а отъ еврейскаго благотворительнаго комитета, во главѣ котораго стояли крупнѣйшіе богачи. Узнавъ отъ администраціи «Талмудъ-Тойре» о нашемъ

ультиматумѣ, этотъ комитетъ уполномочилъ своего предсѣдателя, извѣстнаго тогда банкира Розенберга (тестя филантропа, барона Гинзбурга), непосредственно отъ насъ самихъ узнать сущность нашего плана. Мы, поэтому, получили отъ него приглашеніе посѣтить его, на что мы согласились. Но при этомъ вышелъ небольшой курьезъ, который считаю неизлишнимъ здѣсь передать, такъ какъ онъ отчасти рисуется наше тогдашнее настроеніе.

Когда пополудни мы подошли къ роскошному зданію, въ которомъ обиталъ милліонеръ Розенбергъ, направились въ парадный подъѣздъ, то важный швейцаръ, стоявшій у входа, предложилъ намъ войти съ чернаго хода, такъ какъ, молъ, «теперь у барина самъ губернаторъ», при этомъ онъ указалъ на стоявшій у подъѣзда экипажъ.

— Передайте вашему барину,—воскликнулъ я,—что мы съ чернаго хода не ходимъ. И, повернувшись удалился.

Послѣдовавшіе за мною товарищи нашли, что изъ-за такой мелочи, какъ парадный или черныи ходъ не стоитъ демонстрировать, тѣмъ болѣе, что мы, вѣдь, не въ качествѣ просителей за себя явились; къ тому же, спустя пару-другую часовъ, какъ намъ было извѣстно, должно было состояться общее собраніе членовъ еврейскаго благотворительнаго общества, на которомъ предсѣдатель его Розенбергъ предполагалъ, на основаніи нашихъ сообщеній, сдѣлать докладъ по поводу предлагаемыхъ нами реформъ. А теперь, не побесѣдовавъ съ нами, онъ лишенъ возможности сдѣлать это. Но я не согласился съ ними, заявивъ, что необходимо научить богачей, чтобы они принимали насъ, бѣдняковъ, съ тѣмъ же почетомъ и вѣжливостью, какіе они примѣняютъ при посѣщеніи ихъ знатью. Что же касается утущенія времени и риска повредить осуществленію нашего плана, то разъ Розенбергъ дорожитъ имъ, онъ найдетъ способъ побесѣдовать съ нами.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ моего прихода домой, ко мнѣ стремглавъ влетѣлъ одинъ изъ членовъ администраціи «Талмудъ-Тойре» и сообщилъ, что Розенбергъ прислалъ къ нему нарочнаго съ просьбой, чтобы, разыскавъ насъ, онъ уговорилъ познакомиться къ нему, что, узнавъ отъ швейцара о причинѣ нашего ухода, онъ распеку его и приказалъ проводить насъ по парадной лѣстницѣ.

Этимъ объясненіемъ я счелъ себя удовлетвореннымъ, и мы вторично отправились къ предсѣдателю, когда уже наступилъ вечеръ, и онъ долженъ былъ вскорѣ открыть собраніе еврейскаго благотворительнаго общества.

Какъ провель насъ въ роскошнѣйшій кабинетъ, въ которомъ встрѣтилъ насъ бѣлый, какъ лунь, старикъ, вполне еврейскаго типа. Еще разъ извинившись за вышедшее помимо его воли недоразумѣніе, онъ пригласилъ насъ изложить подробно нашъ планъ. Товарищи по-

просили меня, какъ инициатора, сдѣлать это, на что я охотно согласился и съ жаромъ, торопясь, сталъ развивать свое предложеніе.

Вспоминая впоследствии эту бесѣду при упомянутыхъ условіяхъ, я самъ удивлялся ея оригинальности: глубокой старикъ - миллионеръ, видимо, очень умный и довольно образованный, съ напряженнымъ вниманіемъ, стараясь не проронить ни единого слова, слѣдитъ за горячей проповѣдью безусаго юнца, какъ можно освободить его одино-племенниковъ отъ нищеты, невѣжества и суевѣрій, а вмѣстѣ съ этимъ и отъ тяготящей надъ ними ненависти христіанъ.

Я не стѣснялся въ выборѣ выраженій и упрекалъ еврейскихъ богачей, а слѣдовательно, и Розенберга въ томъ, что, накопивъ много матеріальныхъ средствъ, они очень мало что дѣлаютъ для сородичей. Между тѣмъ, ихъ прямой, личный расчетъ долженъ былъ бы побудить ихъ не жалѣть денегъ для распространенія просвѣщенія, а также для обученія производительнымъ занятіямъ еврейской массы.

Зная, что нашему хозяину необходимо было торопиться на за-сѣданіе, мои товарищи, прерывая мою проповѣдь, предлагали ретироваться. Но Розенбергъ каждый разъ останавливалъ ихъ, говоря, что ему очень интересно продолжать нашу бесѣду.

Въ заключеніе этотъ, повидимому, довольно отзывчивый богачъ, выразивъ съ своей стороны готовность сдѣлать все отъ него зависящее для осуществленія нашего плана, обѣщая намъ, независимо отъ рѣшенія еврейскаго общества, взять на себя содержаніе нѣсколькихъ наиболѣе талантливыхъ мальчиковъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Прощаясь съ нами, онъ, видимо, вполне искренно благодаритъ насъ за наше стремленіе притти на помощь меньшей братіи, а также и за указаніе ому, старикъ, наилучшаго способа быть ей полезнымъ.

VI.

Мы разстались съ Розенбергомъ вполне удовлетворенные результатомъ нашей съ нимъ бесѣды. Вскорѣ затѣмъ намъ сообщили, что на общемъ собраніи богачей, — которое, къ слову сказать, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не открывалось вслѣдствіе поздняго прибытія предсѣдателя, — Розенбергъ энергично отстаивалъ наше предложеніе, и въ виду авторитета, которымъ онъ пользовался, ему удалось добиться полного согласія со стороны всѣхъ собравшихся взять на себя всѣ требовавшіеся расходы. Тогда же ими избрана были исполнительная комиссія, которой поручено было приступить къ практическому осуществленію нашего проекта.

Нужно ли описывать, какъ мы ликовали, представляя себѣ то недалекое будущее, когда изъ наиболѣе талантливыхъ нашихъ учениковъ будутъ выходить выдающіеся люди, — кто знаетъ, можетъ-

быть, такіе, какъ Спиноза и Лассаль,—имя Маркса намъ тогда не было еще извѣстно.

«Примѣръ замѣчательно поставленнаго кievскаго «Талмудъ-Тойре», навѣрное, послужитъ образцомъ для другихъ городовъ. Слава о немъ распространится по всей чертѣ еврейской осѣдлости».

Такъ заносились мы въ мечтахъ. Но,—увы!—радость наша была непродолжительна.

Вышеописанное происходило зимою 1872—1873 гг. Весной должны были начать функционировать ремесленныя мастерскія при «Талмудъ - Тойре».

Однажды въ ясный солнечный день вниманіе прилично одѣлаго пожилого господина, проходившаго по одной изъ захолустныхъ улицъ части города, называвшейся «Закавказье», привлекли громкіе дѣтскіе голоса, доносившіеся изъ какого-то дома. Прислушавшись къ нимъ, господинъ заинтересовался этимъ, и, разобравъ откуда голоса доносятся, направился къ одному дому. Тамъ, поднявшись на лѣстницу, онъ очутился въ довольно обширной комнатѣ, уставленной партами, на которыхъ сидѣли за тетрадками и учебниками два-три десятка мальчиковъ. Незвѣстный господинъ прошелъ затѣмъ въ слѣдующую комнату гдѣ увидѣлъ то же, что и въ первой, потомъ въ третьей онъ встрѣтилъ еврея среднихъ лѣтъ, который на его вопросъ, что это за школа, отвѣтилъ: «Талмудъ-Тойре», объяснивъ значеніе этого названія и сообщивъ, что всѣ эти классы заведены по инициативѣ добровольныхъ учителей — студентовъ и гимназистовъ.

Любознательный господинъ чрезвычайно заинтересовался всѣмъ услышаннымъ и попросилъ словоохотливаго еврея, оказавшагося смотрителемъ «Талмудъ-Тойре», показать ему все это учрежденіе, на что тотъ охотно согласился, польщенный тѣмъ, что, очевидно, добрый, расположенный къ евреямъ христианинъ, такъ горячо интересуется подвѣдомственнымъ ему заведеніемъ. Онъ повелъ «прилично одѣлаго господина» по всѣмъ классамъ, въ которыхъ, кромѣ партъ, были, какъ полагается, глобусы, доски, географическія карты по стѣнамъ и пр. Посѣтитель очень расхваливалъ все это оборудованіе и продолжалъ задавать разные вопросы, на которые смотритель не переставалъ давать обстоятельные отвѣты; затѣмъ онъ посвятилъ любознательнаго гостя въ предстоящую въ скоромъ времени реформу этого учрежденія. Слушая съ большимъ интересомъ всѣ эти сообщенія, любознательный господинъ дѣлалъ въ своей книжкѣ какія-то замѣтки, а затѣмъ, узнавъ все, его интересовавшее, онъ удалился.

Когда вечеромъ намъ, учителямъ, явившимся для занятій, смотритель сообщилъ объ этомъ посѣтителѣ, то мы рѣшили, что онъ, вѣроятно, газетный репортеръ. Но вскорѣ затѣмъ оказалось, что то былъ вновь назначенный инспекторъ народныхъ училищъ, случайно на-

бредшій на воплѣть оборудованную школу со многими классами. На ея открытіе, конечно, не было получено разрѣшенія, что, какъ извѣстно, тогда и долго впоследствии являлось у насъ тяжкимъ преступленіемъ.

Стряслась бѣда: назначено было строгое разслѣдованіе. Богачи-попечители «Талмудъ - Тойре» привлечены были къ отвѣтственности; допытывались также фамиліи учителей-добровольцевъ. Началась паника. Чтобы избѣжать большихъ неприятностей, богачи, кого нужно было, ублаготворили звонкой монетой. Дѣло было потушено, но въ результатѣ посѣщенія «добрымъ христіаниномъ» нашего любимаго дѣтища, на организацію котораго нами положено было много стараній и усердія, «Талмудъ-Тойре» было навсегда закрыто, а несчастные сироты разбрелись въ разные мѣста.

Такъ печально закончилось существованіе, несомнѣнно, хорошаго учрежденія, которое въ будущемъ, навѣрно, оказалось бы еще полезнѣе. Между тѣмъ, я и до сихъ поръ временами вспоминаю нѣкоторыхъ мальчишковъ, положительно отличавшихся выдающимися способностями. Они, конечно, затерялись въ массѣ еврейской гольтыбы. Кому, казалось бы, могъ повредить, задуманный нами планъ реформировать «Талмудъ - Тойре»?..

Столь подробно я остановился на этомъ эпизодѣ, потому что онъ сыгралъ значительную роль въ моей жизни: отчасти онъ раскрылъ мнѣ глаза на господствовавшіе въ странѣ порядки. Мое огорченіе по поводу закрытія «Талмудъ - Тойре» и разрушенія ледяннаго мною плана было до того велико, что въ первое время я дошелъ чуть не до полного отчаянія.

Очень рано появился у меня позывъ къ общественной дѣятельности стремленіе приносить пользу угнетеннымъ. Я могъ бы привести этому немало иллюстрацій, но ограничусь еще одной.

Вскорѣ послѣ описаннаго разрома, мнѣ попался въ руки уставъ какого-то ссудо-сберегательнаго товарищества. Дочитавъ его до конца, я рѣшился создать аналогичное общество среди насъ, гимназистовъ и студентовъ, занимавшихся репетиторствомъ и, вслѣдствіе, непостоянства этого источника существованія, временами очень бѣдствовавшихъ.

Созвавъ знакомыхъ репетиторовъ, я предложилъ имъ въ общихъ чертахъ слѣдующій планъ: путемъ складчины мы должны были образовать небольшой основной фондъ, изъ котораго сейчасъ же могли бы давать ссуды нуждавшимся репетиторамъ. Затѣмъ съ доходовъ отъ уроковъ каждый обязанъ былъ дѣлать ежемѣсячныя отчисленія на свой пай въ кассу. Репетиторъ, имѣвшій уроки выше определенной нормы, не въ правѣ былъ брать новые, а долженъ былъ вмѣсто себя рекомендовать болѣе его нуждавшася товарища и т. д.

Не буду подробно останавливаться на этомъ планѣ, скажу лишь, что онъ вскорѣ осуществился и сталъ прекрасно функционировать. Я, конечно, былъ избранъ въ число членовъ комитета. Но годъ спустя, вслѣдствіе политическихъ причинъ, о которыхъ сообщу ниже, намъ самимъ пришлось ликвидировать это очень полезное для речетитировъ предприятие.

По политическимъ взглядамъ и стремленіямъ я былъ тогда только либераломъ, хотя нѣкоторые мои знакомые,—Павелъ Аксельродъ, Семень Лурье и др. стали уже революціонерами. Отчасти подъ влияніемъ печатавшихся въ газетахъ отчетовъ о процессѣ Нечаева, я сталъ убѣжденнымъ противникомъ всякаго насильственного способа дѣятельности. Раскрывшіеся на судѣ подвохи, мистификаціи и, въ особенности, возмутительное убійство Нечаевымъ ни въ чемъ неповиннаго его товарища, студента Иванова, все это сыграло немалую роль въ моемъ отрицательномъ отношеніи къ революціонному способу борьбы. По этому поводу, помню, мнѣ пришлось спорить съ П. Аксельродомъ, который былъ значительно старше меня: въ то время, какъ мнѣ шель всего 18-й годъ, онъ былъ уже 22—23-хъ лѣтъ.

Теперь не помню въ точности, что собственно онъ оспаривалъ и что я отстаивалъ, но, кажется, онъ находилъ смягчающія вину обстоятельства, а я доказывалъ обратное. Здѣсь мнѣ необходимо посвятить нѣсколько словъ этому молодому революціонеру, такъ какъ онъ игралъ тогда большую роль среди извѣстной части кievской передовой интеллигенціи.

Слава о немъ шла впереди него: онъ еще былъ въ постѣднихъ классахъ моголевской гимназіи, когда я и другіе кievляне знали отъ общихъ знакомыхъ о выдающемся по умственному развитію, благородству и гуманности Павлѣ Аксельродѣ. Неудивительно, поэтому, что пріѣхавъ, по окончаніи гимназіи въ Кіевъ, онъ сразу сталъ пользоваться большимъ авторитетомъ среди наиболее развитой нашей молодежи. Хотя, въ сущности, онъ не обладалъ тогда большой начитанностью, скорѣе даже наоборотъ, для своихъ лѣтъ онъ не особенно много знаетъ, но, благодаря природному уму и склонности вѣчно пропатандировать и популяризировать схваченныя на-лету мысли, онъ на всѣхъ насъ, бывшихъ его молодежъ, производилъ впечатлѣніе выдающагося человѣка.

Какъ въ житейскихъ вопросахъ, такъ и въ социально-политическихъ, онъ склоненъ былъ тогда къ самымъ радикальнымъ взглядамъ и, когда зимой 1872—1873 гг. началось революціонное движеніе одновременно во многихъ городахъ, П. Аксельродъ являлся однимъ изъ первыхъ въ Кіевѣ интеллигентовъ, примкнувшихъ къ нему. На меня онъ смотрѣлъ сверху внизъ, какъ на жалкаго либерала. Мы перестали встрѣчаться. Годъ съ чѣмъ-то спустя (осенью 1874 г.), онъ эмигрировалъ за границу, и мы вновь встрѣтились, уже какъ едино-

мысленными, только въ 1878 г. въ Жешевѣ. Но я забѣжалъ значительно впередъ.

VII.

Моимъ стремленіемъ было по окончаніи гимназіи поступить на медицинскій факультетъ, чтобы, сдѣлавшись затѣмъ врачомъ, посвятивъ себя,—по примѣру чрезвычайно популярнаго въ тѣ времена земскаго врача Португалева,—общественно-медицинской дѣятельности среди наиболѣе пуждающейся массы населенія. Но, какъ и многихъ молодыхъ людей, имѣвшихъ самыя мирныя, лояльныя намѣренія, суровая дѣйствительность убѣдила меня, что, при господствовавшихъ въ странѣ порядкахъ, невозможно никакая работа на пользу ближняго, оставаясь честнымъ, порядочнымъ человекомъ, отдающимъ себѣ отчетъ въ окружающемъ. Рѣдкіи изъ революціонеровъ того періода не начинали своей общественной дѣятельности съ тѣхъ или иныхъ легальныхъ попытокъ принести пользу обездоленнымъ. Но каждый изъ нихъ вскорѣ убѣждался въ невозможности такихъ стремленій, вслѣдствіе различнаго рода помѣхъ, стѣсненій, а то и прямыхъ пресѣдованій со стороны всякаго рода власти имущихъ лицъ. Несмотря на тяготѣвшую надъ печатью суровую цензуру, все же въ литературѣ попадались произведенія, изображавшіе тщетность усилій честныхъ людей, отстаивавшихъ обиженныхъ, стоявшихъ за правду, справедливость. Я, напримѣру, и до сихъ поръ хорошо помню сильное впечатлѣніе, которое на меня и на моихъ сверстниковъ произвелъ вышеупомянутый въ ту пору, въ видѣ отдѣльной книги, подъ заглавіемъ «Столбы», одинокій судебный процессъ, раскрывшій невѣроятныя злоупотребленія и полное безсиліе лицъ, стремившихся защищать потерпѣвшихъ.

Все же я не скоро сдался: лишь послѣ значительной внутренней борьбы рѣшить я разстаться съ умѣренно-либеральными своими взглядами и мирнѣйшими планами на счетъ будущаго. Для этого потребовались скопленіе цѣлаго ряда обстоятельствъ.

До 18-ти лѣтъ мнѣ вовсе не приходилось выѣзжать изъ Кіева, и жизнь крестьянъ я зналъ поэтому лишь по немногимъ существовавшимъ тогда произведеніямъ. Только весной 1874 года, получивъ урокъ на капикулярное время у богатаго арендатора крупнаго имѣнія Кіевской губерніи, я впервые очутился въ деревнѣ.

Она произвела на меня краше тяжестое впечатлѣніе, хотя по своему благосостоянію, вѣроятно, ничѣмъ не отличалась, а, можетъ-быть, даже превосходила многія другія.

Живя въ Кіевѣ, я, конечно, встрѣчалъ вообще въ городѣ и въ частности на Шляховскихъ улицахъ и въ ихъ флигеляхъ разнаго рода бѣдняковъ, нищихъ, босяковъ, но все эти обездоленные люди представлялись мнѣ, наряду съ заняточными слоями населенія, какъ бы случайными явленіями,—несчастливыми исключеніями изъ общей массы.

Къ тому же, видя ихъ съ самаго дѣтства, я, по присущему людямъ свойству, никогда не задумывался надъ существующимъ контрастомъ между разными слоями населенія. Совсѣмъ иное дѣйствіе произвела на меня жизнь крестьянъ.

Прежде всего, «бѣлые хаты съ вишневыми садочками», воспѣтые украинскими писателями, показались мнѣ жалкими, убогими лачугами. Затѣмъ меня поразило непомѣрно тяжелый трудъ крестьянъ за пашнями, покосами и др. сельскими работами. Къ тому же, какъ я узналъ, они столь скудно вознаграждались, что уже съ весны они ради необходимыхъ имъ средствъ для уплаты податей и прокормленія до новаго урожая подряжались на водочный заводъ, въ которомъ затѣмъ всю осень и зиму обязаны были работать по 14—16-ти часовъ въ сутки за взятую ими впередъ ничтожную сумму, въ 15—18 рублей! Я увидѣлъ, что, кромѣ холщевыхъ рубахъ съ такими же штанами да самодѣльной свитки, никакого другого платья не было у этихъ вѣчныхъ труженниковъ. Этой одеждѣ, какъ я убѣдился, соответствовала по своей ограниченности скудная пища, а также и внутреннее убранство хатъ, состоявшее изъ голыхъ палатей съ разнымъ тряпьемъ вмѣсто постелей.

Все это было для меня ново, а потому произвело удручающее впечатлѣніе. Тяжесть его еще усиливалась сопоставленіемъ этого каторжнаго труда крестьянъ при жалкомъ ихъ существованіи съ жизнью въ пресыщеніи и полномъ бездѣльи богатаго арендатора, его семейства да и моей собственной.

У малосвѣдующаго и впечатлительнаго юноши, каковымъ я, въ сущности, былъ тогда, впервые ярко возникли вопросы: какимъ образомъ произошло этотъ контрастъ и почему несчастные труженники мирятся со своей тяжелой долей? Затѣмъ, что слѣдуетъ предпринять для устранения этого?

Разъ возникнувъ, мысль стала упорно работать далѣе въ этомъ направленіи. Досуга у меня было много, такъ какъ занятія съ мальчишомъ отнимали у меня очень мало времени, и я въволю могъ предаваться размышленіямъ.

Отправляясь въ эту деревню, я захватилъ съ собою нѣкоторые, хотя и раньше уже мною читанныя книги. Въ ихъ числѣ, помню, находились, между прочимъ, популярныя въ то время сочиненія Лассаля, Исторія цивилизаціи Бокля, Положеніе рабочаго класса Флорювскаго и др.

Эти сочиненія теперь производили на меня совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ раньше: я находилъ въ нихъ такіе мысли, какихъ прежде не замѣчалъ. Здѣсь, къ слову сказать, считаю нужнымъ упомянуть о знаменитыхъ «Историческихъ письмахъ» Миртова, а также о статьяхъ Н. К. Михайловскаго, печатавшихся въ «Отечественныхъ Запискахъ», такъ какъ нѣкоторые «знатоки» нашего революціоннаго дви-

женія теперь сообщаютъ о громадномъ, будто бы, вліяніи, оказанномъ этими двумя писателями, на революціонную молодежь начала 70-хъ годовъ, что въ дѣйствительности не было *).

Мысли Миртова, изложенныя въ названныхъ «Письмахъ», пришлись вполнѣ по душѣ лучшей части тогдашней молодежи: они подтвердили ея собственныя стремленія приносить пользу ближнему. Напримеръ, я и мои товарищи, еще до знакомства съ этими «Письмами», на практикѣ осуществляли проповѣдь Миртова о «долгѣ образованныхъ классовъ» по отношенію обездоленныхъ массъ. Но изъ этого взгляда мы вовсе не умозаключали, — какъ то сообщаютъ такіе, будто бы, «современники» появленія этихъ «Писемъ», какъ Н. С. Русановъ, которому тогда было только 9 — 10 лѣтъ, — что необходимо «бросать науку и идти въ народъ». Ни какого революціоннаго вліянія эти знаменитые «Письма» на насъ не имѣли.

Что же касается Н. Михайловскаго, то онъ не только не являлся тогда «властителемъ нашихъ думъ», но многіе, и я въ томъ числѣ, въ тѣ годы совершенно не были знакомы съ его статьями, а нѣкоторые не знали даже его имени, смѣшивая послѣднее съ поэтомъ Михаловскимъ.

Совѣтъ иное дѣйствіе оказывали тогда сочиненія Лассаля, съ одной стороны, и Флеровскаго — съ другой. Въ то время, какъ описанія послѣдняго безвыходнаго тяжелаго положенія трудящихся массъ Россіи вызывали у чуткой къ страданіямъ ближняго молодежи готовность притти ему на помощь и принести для этого всяческія жертвы, — страстныя, зажигательныя рѣчи и статьи гениальнаго нѣмецкаго агитатора призывали къ борьбѣ и указывали на наиболѣе вѣрный путь къ побѣдѣ, къ торжеству права надъ безправіемъ. Все же ни одно изъ перечисленныхъ, а также никакое изъ другихъ тогда популярныя произведеній, не разрѣшало для насъ, русскихъ, вопроса: какъ намъ быть? Что намъ слѣдуетъ предпринять, чтобы вывести русскій народъ изъ бѣдственнаго его положенія.

Ни «Историческія письма», ни «Положеніе рабочаго класса», ни тѣмъ болѣе статьи Михайловскаго на эти вопросы не давали отвѣта. Но на почвѣ, подготовленной унаслѣдованными чертами характера, въ связи съ условіями жизни, воспитанія и среды, рѣшающее дѣйствіе оказывали отдѣльныя, перѣдко мало или даже вовсе незначительныя факты, случаи и обстоятельства. Однимъ изъ таковыхъ явилось для меня слѣдующее происшествіе, свидѣтелемъ котораго я былъ, проводя указанное лѣто въ деревнѣ.

* Вліяніе «Историческихъ писемъ» подтверждено рядомъ показаній современниковъ. Л. Г. Дейчъ въ давномъ случаѣ можетъ говорить только о себѣ и о кружкѣ лицъ, примыкавшихъ къ нему.

VIII.

Однажды въ страдную пору мнѣ сообщили, что на слѣдующее утро прибудетъ волостной писарь и сообщить крестьянамъ какое-то важное распоряженіе начальства.

Не будучи до того шикогда на сельскомъ сходѣ, я рѣшилъ посмотреть, что онъ собою представляетъ. Поэтому, по обыкновенію, вдесять поѣвъ утромъ всякихъ вкусныхъ яствъ, я, въ сопровожденіи старшаго сына арендатора, моего сверстника, пошелъ къ сельскому управленію.

Тамъ собралась значительная часть мужского населенія, которая, какъ оказалось, уже давно ожидала писаря. Часть проходить за часомъ, а онъ все не являлся. Между тѣмъ, была горячая дѣля крестьянъ пора уборки хлѣбовъ, когда опасно терять сухой солнечный день. Кое-кто изъ нихъ выражалъ поэтому нетерпѣніе и неудовольствіе на писаря, зачѣмъ такъ долго онъ заставляеть ихъ напрасно торчать здѣсь. Однако, никто изъ нихъ не рѣшался уйти, очевидно, изъ боязни поплатиться за это. Чтобы скоротать время, многіе, расположившись въ тѣни на землѣ, вели хозяйственные разговоры или рассказывали другъ-другу о всевозможныхъ продѣлкахъ лѣшихъ, домовыхъ и всякой другой нечистой силы.

Переходя отъ одной кучки къ другой вмѣстѣ съ сыномъ арендатора, котораго всѣ хорошо знали, я, какъ новичекъ, къ тому же «атеистъ», «реалистъ» и пр., изумлялся, какъ взрослые люди съ глубокой, искренней вѣрой относятся къ такимъ нелѣпымъ, дѣтскимъ сказкамъ.

Когда наступилъ полдень, крестьяне, доставъ изъ кармановъ ломти хлѣба съ солью, этимъ позавтракали. Мы же отправились домой, гдѣ вновь съѣли нѣсколько вкусныхъ блюдъ, а затѣмъ, вернувшись къ сельской управѣ, нашли крестьянъ въ прежнемъ положеніи.— важная особа, ихъ волостной писарь, все еще не пожаловалъ.

Такъ прошелъ весь день. Только съ закатомъ солнца показалась бричка, запряженная парой рѣзвыхъ коней. Завидѣвъ ее еще издали, крестьяне поднялись съ своихъ мѣстъ, а когда, лихо подкативъ, она остановилась, и изъ нея сошелъ господинъ среднихъ лѣтъ, одѣтый въ прекрасный лѣтній костюмъ, на жилетѣ котораго болталась толстая золотая цѣпь отъ часовъ, а на нѣкоторыхъ пальцахъ видны были такіе же перстни, рѣшительно всѣ крестьяне, обнаживъ головы, отвѣсили этому франту самый низкій поклонъ.

Увидѣвъ столь подобоострастное отношеніе къ такой мелкой сошкѣ, явившейся къ тому же наемнымъ слугой самихъ же крестьянъ, я, какъ новичекъ, недоумѣвалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возмущался до глубины души. Этотъ «баринъ» даже не считъ нужнымъ не только изви-

виться, но хотя бы упомянуть о причинѣ, заставившей его продержаться зря сходы въ такую пору дѣльный день. Онъ сразу приступилъ къ дѣлу, состоявшему въ томъ, что вышло расторженіе, въ силу котораго сельскимъ обществамъ предоставлялось право составлять приговоры объ отправкѣ нежелательныхъ имъ почему-либо членовъ на свой счетъ въ Сибирь. Прочитавъ эту бумагу, изящный джентльменъ обратился къ сходу съ предложеніемъ назвать тѣхъ «порочныхъ» односельчанъ, которыхъ слѣдуетъ отправить въ эту далекую страну, съ однимъ названіемъ которой у всякаго россіянина связаны были тогда самыя страшныя представленія.

Но сходы молчали. Волостной писарь вновь повторилъ свое предложеніе, заявивъ, что, такъ какъ начальство «требуетъ» высылки въ Сибирь плохихъ односельчанъ, то необходимо указать таковыхъ, хотя въ дѣйствительности въ прочитанной имъ бумагѣ говорилось лишь условно о высылкѣ, «въ случаѣ нахожденія таковыхъ лицъ въ селахъ».

Послѣ настояній этого коммиссара предписаній начальства, кто-то робко заявилъ, что, молъ, въ этомъ селѣ нѣтъ такихъ порочныхъ членовъ, которыхъ слѣдовало бы сослать въ Сибирь, къ тому же еще на счетъ самого же сельскаго общества.

— Какъ нѣтъ такихъ? — воскликнулъ писарь. — А Иванъ Рудый! Онъ уже не разъ сидѣлъ въ холодной за непослушаніе. А Степанъ Федченко, который никогда въ срокъ не вноситъ податей! —

Такихъ «среднихъ членовъ» онъ назвалъ еще нѣсколько человекъ.

— Та жь правда! — подтвердили нѣкоторые голоса, принадлежавшіе, какъ я потомъ узналъ, къ личнымъ подругамъ перечисленныхъ писаремъ кандидатовъ на отправку въ Сибирь.

— Ну, вотъ и хорошо, — видимо, обрадовался писарь, услышавъ эти голоса. — Тогда я составлю приговоръ, что все ваше сельское общество заявило желаніе, чтобы эти порочные члены были отправлены въ Сибирь.

— Можно! Согласны! — повторяли, вѣроятно, тѣ же немногіе крестьяне, между тѣмъ, какъ преобладающее большинство продолжало упорно молчать вслѣдствіе ли робости или равнодушія, а то, быть-можетъ, и просто отъ усталости и естественнаго желанія скорѣе отправиться домой, чтобы успѣть отдохнуть до разсвѣта.

Но тутъ началась неподдающаяся моему перу сцена: перечисленные писаремъ крестьяне только теперь, какъ говорится, «расчихавшіе», что имъ грозитъ опасность быть ни за что ни про что оторванными отъ любимой деревни, гдѣ протекла ихъ жизнь, а также и ихъ предковъ, гдѣ жила вся ихъ родня, подняли вопль, крикъ и плачь.

— Та за вищо вы насъ губите! Ратуйту насъ, діды — обращались они съ мольбами, очевидно, къ болѣе степеннымъ и пользовавшимся вѣсомъ въ глазахъ односельчанъ, крестьянамъ.

Не помню, что ствѣчали послѣдніе, припоминаю только, что сцена эта произвела на меня самое тяжелое впечатлѣніе, а такъ какъ къ тому же уже давно стемнѣло, и мой спутникъ торопитъ меня вернуться домой, гдѣ насъ ждали съ ужиномъ, мы оставили сходъ до окончанія этого такъ-называемаго «сельскаго самоуправленія».

На обратномъ пути сынъ арендатора сообщилъ мнѣ, что этотъ писарь, пользующійся протекціей высшихъ властей, — станового и исправника, — всякими приемами обираетъ обширную подвѣдомственную ему волость, и что крестьяне въ полной кабалѣ у него, почему страшно его боятся.

По его же словамъ, ласкѣнчивость писаря непремѣнно отправить нѣсколько челоуѣкъ въ Сибирь обусловливалась, какъ стремленіемъ проявить передъ начальствомъ усердіе, такъ и тѣмъ, что процессъ этой высылки долженъ былъ принести ему извѣстный доходъ.

Все это сынъ арендатора излагалъ вполне энциклопедическимъ слогомъ, словно сообщитъ о самыхъ естественныхъ и безобидныхъ фактахъ, изъ чего можно было заключить, что эти возмутительные приемы были для него привычными, обыденными явленіями, нисколько не удивлявшими, а тѣмъ менѣе, огорчавшими его.

А у меня въ это время въ ушахъ продолжали раздаваться вопли и мольбы несчастныхъ, обреченныхъ на изгнаніе изъ общества, въ сущности, по желанію одного лишь подкупнаго писаря *).

На слѣдующее утро, когда я еще лежалъ въ постели, до меня дошелъ какой-то смѣшанный шумъ, крикъ, плачь, стонъ. Это, оказалось, къ арендатору, пользовавшемуся среди мѣстныхъ крестьянъ недурной репутаціей, пришли кандидаты на высылку въ Сибирь съ женами, а то и съ дѣтьми, просить его, чтобы онъ за нихъ заступился предъ писаремъ, который остался ночевать въ этомъ селѣ, чтобы утромъ закончить всѣ формальности съ приговоромъ общества. По ихъ словамъ, священникъ, котораго сынъ просилъ заступиться за нихъ, отказать имъ въ этомъ.

Не помню, какова была судьба этихъ страдальцевъ. Для меня же

*) Къ слову, предчувствіе грозящихъ впереди бѣдъ не обманывало этихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей. Когда, одиннадцать лѣтъ спустя, мнѣ по пути въ Карійскую каторжную тюрьму пришлось идти вмѣстѣ со многими «общественниками», я въ достаточной степени насмотрѣлся на ихъ ужасное положеніе. Эти, по закону, не лишенные правъ состоянія сильные, въ дѣйствительности являлись послѣдними людьми въ «мірѣ отверженныхъ». Рѣшительно отъ всякаго каторжанина, поселенца, бродяги они подвергались всевозможнымъ обидамъ, униженіямъ и оскорбленіямъ: ихъ толкали, били, надѣвались надъ ними, отводили имъ махудшія мѣста на этапахъ и въ тюрьмахъ, заставляли исполнять самыя тяжелыя, грязныя и неприятыя работы и пр. (См. мою книгу «16 лѣтъ въ Сибири», стр. 150—51, изд. Н. Глаголева, СПб.). Не трудно представить себѣ, какова была затѣмъ судьба этихъ парней по приходѣ на мѣста ихъ поселенія въ Сибирь...

описанное происшествіе было, какъ я уже упомянулъ, рѣшающимъ событіемъ въ моей жизни.

Впервые тогда я ясно, конкретно увидѣлъ, насколько ужасны условия жизни преобладающаго большинства трудящагося населенія,— кормильцевъ кучки тунеядцевъ, воровъ, взяточниковъ. Только тогда я понялъ, что всякія стремленія передовой части общества пригнати на помощь эксплуатируемымъ массамъ, въ лучшемъ случаѣ, при самомъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, могутъ играть роль лишь незначительныхъ палліативовъ, неспособныхъ ни на юту измѣнить господствующій кругомъ строй, полный самыхъ вопіющихъ несправедливостей.

Почти одновременно съ этимъ сходомъ въ Петербургъ происходилъ извѣстный процессъ Долгушинцевъ, за отчетами котораго, печатавшимися въ газетахъ, я слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ.

Произведенное на меня этимъ политическимъ дѣломъ впечатлѣніе не могло итти ни въ какое сравненіе съ моимъ отношеніемъ къ нечаевцамъ.

Между тѣмъ, какъ дѣятельность агослѣднихъ не вызывала во мнѣ ни малѣйшихъ симпатій, приемы долгушинцевъ, наоборотъ, показались мнѣ вполне соответствовавшими моимъ собственнымъ взглядамъ и складу моего характера: извѣстно, что члены этого кружка были первыми въ нашемъ революціонномъ движеніи социалистами, отпавшими «въ народъ», за что они и поплатились многолѣтней каторгой, гдѣ большинство ихъ и погибло.

Къ этой дѣятельности склонился и я. «Что толку въ томъ, что будешь со временемъ добросовѣстнымъ лѣкаремъ?—задавалъ я себя въпросъ.—Народъ, который насъ кормитъ и доставляетъ всѣ условия для нашего образованія, не перестанетъ отъ этого страдать. Необходимъ радикальный переворотъ во всемъ строѣ общества и государства».

Только одно обстоятельство заставило меня серьезно задуматься, прежде чѣмъ я принялъ окончательное рѣшеніе: «Что будетъ съ матерью да отчасти и съ сестрами, когда я цѣликомъ отдамъ революціонной борьбѣ?»—спрашивалъ я себя. Не говоря уже про потерю для близкихъ мнѣ лицъ зарабатываемыхъ мною уроками средствъ, хотя и незначительныхъ, но все же являвшихся существенными вкладами въ бюджетъ нашей семьи,—мать, естественно, давно легла въ надежду, что, ставъ врачомъ, я освобожу ее отъ тяжелыхъ матеріальныхъ заботъ и облегчу ея жизнь на склонѣ ея лѣтъ. И я самъ неоднократно строилъ передъ нею на этотъ счетъ планы. А теперь ей не только приходилось отказаться отъ нихъ, но къ тому же заранѣе примириться съ неизбежной для меня перспективой очутиться въ тюрьмѣ и на каторгѣ. Какимъ страшнымъ ударомъ будетъ, поэтому, для бѣдной матери мое рѣшеніе!

Я часто возвращался къ вопросу, какъ облегчить ея состояніе,

но ничего не въ состояніи былъ придумать. Въ голову приходили лишь мысли, что не я первый и не послѣдній, пассивно причиняющій боль, страданія, а то и несчастія матери и другимъ близкимъ людямъ. Если останавливаться передъ такими обстоятельствами, то пришлось бы вовсе отказываться отъ общественной дѣятельности, такъ какъ почти всякое занятіе, въ большей или меньшей степени, связано съ рискомъ, съ опасностью пострадать и повредить любимымъ лицамъ. Но тогда невозможно бы никакой шагъ впередъ. Къ тому же народъ страдаетъ еще куда больше, и шагъ долгъ притти ему на помощь.

Въ концѣ-концовъ, я рѣшилъ положиться на естественный ходъ событій и постарался съ возвращеніемъ въ Кіевъ съ твердымъ намѣреніемъ немедленно примкнуть къ революціонному движенію. Передъ самымъ отъѣздомъ я побывалъ въ ближайшемъ къ селу уѣздомъ городѣ, гдѣ случайно встрѣтилъ одного петербургскаго студента, прибывшаго туда на каникулы и привезшаго съ собою нѣсколько нетеплыхъ брошюръ. Среди нихъ имѣлись нѣкоторыя произведенія Бакунина и Лаврова, а также популярныя тогда брошюры, вроде «Хитрой механики», «Сказки о четырехъ братьяхъ» и т. п.

Я съ жадностью набросился на нихъ и чуть ли не въ одинъ присѣсть прочелъ всѣ. Этотъ студентъ охотно согласился предоставить ихъ мнѣ. Помню, какое неизмовѣрное наслажденіе доставили онѣ мнѣ: пріятно было смотрѣть на нихъ, держать ихъ въ рукахъ; онѣ казались мнѣ чрезвычайно цѣнными, какъ наилучшія средства для освобожденія угнетенныхъ массъ.

Въ ихъ содержаніи я сразу не могъ, конечно, разобраться: все, что въ нихъ сообщалось, я находилъ вполне вѣрнымъ, правильнымъ, соответствовавшимъ тому же, къ чему и я пришелъ самостоятельно, размышляя по поводу сельскаго схода и процесса долгушиицевъ. Я не только не опредѣнилъ себѣ, куда склоняются мои симпатіи, — къ лавристамъ или бакунистамъ, но даже самый вопросъ этотъ въ то время еще не возникалъ у меня, до того были чужды мнѣ существовавшія тогда революціонныя теченія.

IX.

Возвращаясь въ Кіевъ, я заранѣе представлялъ себѣ радостную встрѣчу съ Аксельродомъ и другими членами его кружка, которые, какъ уже выше упомянуто, раньше стали революціонерами.

«Теперь я вашъ! Поидемъ вмѣстѣ! Будемъ работать на одномъ поприщѣ»,—подобныя фразы проносились въ моей головѣ, когда я приближался къ родному городу.

Но тамъ меня ожидало тяжелое разочарованіе: съ первыхъ же словъ сестры сообщали мнѣ, что въ Кіевѣ произведены были боль-

шіе аресты: Семень Лурье и другіе забраны, Аксельроду съ нѣсколькими товарищами удалось скрыться, и они эмигрировали за границу.

Повидавшись затѣмъ съ членами нашего соудто-сберегательнаго товарищества, я узналъ, что оно ими закрыто, такъ какъ вслѣдствіе происшедшихъ обысковъ они побоялись, какъ бы жандармы, латкнувшись на наши денежные и другіе отчеты, не приняли этого невиннаго, но основаннаго, конечно, безъ разрѣшенія начальства, общества за тайный политическій кружокъ.

Занятый другими мыслями и стремленіями, я совершенно равнодушно отнесся къ этому сообщенію. Но извѣстіе о происшедшемъ въ Кіевѣ разгромѣ было большимъ для меня ударомъ: кромѣ Аксельрода и его товарищей, я не зналъ никакихъ другихъ революціонеровъ, съ которыми могъ бы сойтись и получать отъ нихъ столь необходимые неофиту, особенно на первыхъ порахъ, совѣты, указанія, подпольныя изданія и пр.

Нѣкоторое время я чувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ, безпомощнымъ, я не зналъ, что предпринять, куда направить свои силы. Возвращаясь въ Кіевъ, я думалъ о близкой плодотворной работѣ съ опытными товарищами-революціонерами. И вдругъ вмѣсто среды, въ которой происходила бы энергичная дѣятельность, я нашелъ пустыню, въ которой бродили охваченные паникой люди, не имѣвшіе ни малѣйшаго отношенія къ чему-либо политическому.

Нѣсколько облегчила мое состояніе встрѣча съ пріятелемъ, школьнымъ товарищемъ, Исифомъ Щепанскимъ. Разговорившись съ нимъ, я, къ великой моей радости, узналъ, что онъ также, оставаясь въ Кіевѣ во время калякуть, совершенно самостоятельно пришелъ къ тѣмъ же выводамъ относительно невозможности легальной дѣятельности, что и я, и склонился къ революціоннымъ взглядамъ.

Мы съ нимъ рѣшили приступить къ пропагандѣ нашихъ убѣжденій среди наиболѣе развитыхъ нашихъ товарищей. Намѣлавъ нѣсколько гимназистовъ послѣднихъ классовъ, мы пригласили ихъ притти ко мнѣ на квартиру, гдѣ я и Щепанскій подѣлились съ ними тѣмъ, до чего сами додумались и что мы узнали изъ прочитанныхъ нами нелегальныхъ произведеній.

Особеннаго энтузіазма наша проповѣдь не вызвала ни въ комъ изъ нихъ: они, правда, согласились собираться для совмѣстныхъ чтеній подпольныхъ изданій, но, кажется, уже послѣ второго раза эти собранія,—не помню, по какой причинѣ,—прекратились. Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ кое-кто изъ этихъ гимназистовъ примкнулъ къ революціонному движенію.

Вскорѣ затѣмъ отъ участившей изъ кружка Аксельрода невѣсты Семена Лурье я узналъ, что въ Кіевѣ находится молодой врачъ, Владиміръ Эмме, у котораго произведенъ былъ обыскъ, но, за отсутствіемъ

уликъ, онъ былъ оставленъ на свободѣ подъ надзоромъ полиціи. По ея словамъ, Эмме былъ очень интереснымъ, чрезвычайно образованнымъ и довольно опытнымъ социалистомъ.

Я, попятно, пожелалъ немедленно познакомиться съ нимъ, что, при посредствѣ этой дѣвушки, мнѣ вскорѣ и удалось.

Эмме, дѣйствительно, оказался незауряднымъ челоѣкомъ. Знакомство съ нимъ дало мнѣ очень много. Онъ не только былъ всесторонне начитаннымъ челоѣкомъ, прекрасно знавшимъ социалистическую литературу, но онъ уже побывалъ въ эмиграціи и лично зналъ всѣхъ знаменитыхъ тогда дѣятелей, господствовавшія направленія, разныя происшествія, приключенія и пр. Обо всемъ этомъ онъ охотно со мною дѣлился, а я, конечно, слушалъ его рассказы съ жадностью, просияывая у него нерѣдко до полуночи.

Отъ него я узналъ о «лавристахъ» и «бакунистахъ», о «пропагандистахъ» и «бунтаряхъ», о «чайковцахъ» и о многомъ другомъ, чего изъ поставшихъ мнѣ въ руки нѣсколькихъ брошюръ и сказокъ я не могъ почерпнуть. Черезъ Эмме же я познакомился и съ его единомышленникомъ, Николаемъ Колоткевичемъ, тогда еще студентомъ кievскаго университета, впоследствии ставшимъ знаменитымъ народо-вольцемъ, погибшимъ затѣмъ въ Шлиссельбургской крѣпости. У Эмме я впервые встрѣтилъ также первую «незаконную», разыскиваемую полиціей, извѣстную Анну Розенштейнъ-Макаревичъ, съ которой потомъ, огутившись въ кружкѣ южныхъ бунтарей, очень подружился *). Черезъ него же я сталъ получать всѣ доходившія изъ-за границы запрещенныя сочиненія и т. д.

По убѣжденіямъ Эмме былъ лавристомъ, къ тому же питавшимъ недружелюбныя чувства къ послѣдователямъ Бакунина, о которыхъ онъ рассказывалъ мнѣ много несимпатичнаго, особенно изъ эмигрантской цюрихской жизни, свидѣтелемъ и очевидцемъ чего онъ самъ былъ. Эти его рассказы произвели на меня, юнаго адепта, готоваго идеализировать всѣхъ революціонеровъ, самое тяжелое впечатлѣніе.

Насколько я въ то время былъ способенъ отдавать себѣ отчетъ относительно господствовавшихъ у насъ тогда направленій, мнѣ, казалось, что, какъ по темпераменту, такъ и по склонностямъ и стремленіямъ, мнѣ слѣдуетъ пристать къ лавристамъ, что я и сдѣлалъ.

*) В 1877 г. Анна Розенштейнъ-Макаревичъ, принявъ псевдонимъ Кудешева, эмигрировала за границу, гдѣ сразу завоевала выдающееся положеніе, какъ замѣчательная агитаторша, сперва среди французовъ, затѣмъ—итальянцевъ, за что ѣтъ неоднократно пришлось сидѣть въ тюрьмахъ. Вышедши въ Италію замужъ за извѣстнаго тамъ анархиста Андрея Коста, она, ставъ затѣмъ социалдемократкой, разошлась съ нимъ и сблизилась съ извѣстнымъ лидеромъ итальянской соц.-дем. партіи Турати. Анна Кудешева-Турати до сихъ поръ работаетъ въ рядахъ этой партіи, какъ одна изъ наиболѣе выдающихся ея лидеровъ; она пользуется въ Италіи большой популярностью.

Извѣстно, какую обширную и всестороннюю подготовку требовалъ Лавровъ отъ своихъ послѣдователей до ихъ выступленія на практическое поприще. Не понимая тогда всей трудности ея осуществленія, я усердно принялся за занятія, начавъ, какъ это рекомендовалъ Петръ Лавровичъ, съ системы Лапласа, чтобы затѣмъ отъ астрономіи перейти къ физикѣ, потомъ къ химіи, физиологін и лишь въ заключеніе — къ социализму. Для осуществленія этой программы, при самомъ усиленномъ трудѣ, нужно было бы употребить нѣсколько лѣтъ. А въ это время «подготовлявшійся»,—еще задолго до окончанія всѣхъ требовавшихся по программѣ Лаврова предметовъ,—легко могъ очутиться на каторгѣ по какому-нибудь дураку,—за нахожденіе у него подпольной брошюры, а то и за знакомство съ «неблагонадежнымъ».

Но въ первое время я не могъ самъ понять всей неосуществимости этого требованія Лаврова. Знакомясь, прежде всего, съ его собственными произведеніями,—со статьями въ редактируемомъ имъ журналѣ «Впередъ»,—я испытывалъ самыя тяжелыя ощущенія: такъ какъ я много въ нихъ не понималъ, то приписывалъ это полной моей неподготовленности къ чтенію столь «умныхъ и серьезныхъ» произведеній. Только впоследствии я разобралъ, что въ значительной степени вина въ моемъ непониманіи падала отчасти на самого Лаврова, въ виду тяжеловѣсности его манеры писанія и «скучнаго его стиля».

Считая себя лавристомъ, я, тѣмъ не менѣе, охотнѣе читалъ произведенія Бакунина, такъ какъ они не только были мнѣ вполне понятны, но, вмѣстѣ съ тѣмъ,—я живо чувствовалъ это,—возбуждали во мнѣ наилучшія стремленія. Такъ, я и до сихъ поръ помню, какое сильное вліяніе на меня въ ту пору оказало вскользь брошенное Бакуниномъ въ какой-то его статьѣ замѣчаніе, что огромное большинство являющихся крайними революціонерами въ юности, съ годами становятся умѣреннѣе, а къ старости нерѣдко превращаются въ реакціонеровъ.

Это, казалось бы, простое констатированіе факта заставило меня сильно задуматься, почему, дѣйствительно, происходятъ съ людьми такія метаморфозы. Не помню, какъ я рѣшилъ этотъ вопросъ. Но тогда же я далъ себѣ «паннибалову клятву», что до гробовой доски не измѣню завѣтамъ юности. Пусть другіе судятъ, сдержалъ ли я слово, а также не долженъ ли я быть признателемъ Бакунину за то, что, хотя неволью, онъ вырвалъ у меня эту клятву. Не могу припомнить, чтобы я Лаврову былъ обязанъ чѣмъ-нибудь анатомическимъ.

Но я нѣсколько уклонился отъ темы.

X.

Въ описываемые мною годы отъ послѣдовательнаго революціонера требовалось рѣшительно всёми жертвовать ради народныхъ интересовъ. Какъ извѣстно, считалось даже предосудительнымъ кончать учебныя заведенія, такъ какъ это даетъ, моль, возможность занимать «привилегированное положеніе». Истинный революціонеръ долженъ быть «связанъ за собою корабли» и, послѣ нѣкоторой подготовки, отправиться «въ народъ». Безъ малѣйшихъ колебаній, послѣ возвращенія въ Кіевъ, я осуществилъ все, что требовалось въ этомъ отношеніи: оставилъ учебное заведеніе, расстался съ карьерой и началъ готовиться къ дѣятельности среди крестьянъ.

Кромѣ приобретеннаго значительнаго «научнаго багажа», въ подготовку входило, какъ обязательное условіе, усвоеніе какого-либо физическаго занятія и ремесла. Я выбралъ столярное.

Для осуществленія этой задачи мнѣ необходимо было посетиться отдѣльно отъ семьи, что далеко не легко было сдѣлать. Теперь не помню, какъ я объяснилъ это матери и сестрамъ, съ которыми, кромѣ поѣздки на каникулы въ деревню, до того никогда не разставался.

На окраинѣ города я нашелъ помѣщавшуюся въ сыромъ, подвальномъ этажѣ столярную мастерскую, рядомъ съ которой отдавалась вънаемъ небольшая, кое-какъ меблированная комнатка, чему я, конечно, очень обрадовался. Быстро сговорившись на счетъ цѣны съ нѣмцемъ-хозяиномъ, я на себѣ перенесъ все свое имущество.

Поселившись у этого столяра, я предложилъ ему за небольшую плату обучать меня его мастерству, объяснивъ свое желаніе необходимостью заняться физическимъ трудомъ для развитія мускуловъ, въ виду слабаго моего здоровья. Нѣмецъ охотно согласился на мое предложеніе.

Вечера я посвящалъ «теоретической подготовкѣ», умственному труду, а по утрамъ—строгалъ, обтесывалъ и пр. Такимъ образомъ, эту часть задачи мнѣ удалось легко осуществить. Но я этимъ не удовольствовался: меня раздражало нетерпѣніе поскорѣе заняться одновременно съ подготовкой и практической дѣятельностью. Въ этомъ отношеніи мнѣ также повезло.

Кто-то сообщилъ мнѣ, что хозяиномъ находившейся черезъ дорогу большой экипажной мастерской является бывший студентъ Трофимовскій, человекъ образованный, поставившій себѣ цѣлью не эксплуатировать, а наоборотъ, всячески улучшать положеніе довольно большого количества занятыхъ у него рабочихъ. Словомъ, что это исключительный, тенденціозный хозяинъ.

Я поспѣшилъ познакомиться съ нимъ. Какъ своей внѣшностью,—

высокій, статный, красивый брюнетъ, — такъ простыми манерами и обращеніемъ, Трофимовскій сразу располагалъ въ свою пользу.

Съ первыхъ же словъ онъ подтвердилъ дошедшій до меня слухъ, что за это занятіе онъ взялся исключительно съ цѣлью улучшить положеніе рабочихъ, поставить ихъ въ болѣе благоприятныя условія въ смыслѣ размѣра заработной платы, количества часовъ труда, гигиеничности обстановки и пр.

Все это мнѣ, конечно, очень понравилось, и я попросилъ его показать мнѣ мастерскія и помѣщенія, въ которыхъ спать, питаются и вообще проводятъ часы досуга нѣсколько десятковъ его рабочихъ.

Дѣйствительность въ сильной степени разочаровала меня: я не нашелъ ни малѣйшаго подобія ни тѣхъ фаланстеръ, о созданіи которыхъ мечталъ Фурье, ни знаменитой фабрики, созданной Р. Овенгомъ въ Нью-Ланаркѣ: какъ мастерскія, такъ и помѣщенія для жилья выглядѣли довольно невзрачными, хотя, быть-можетъ, чѣмъ-либо они и превосходили другія такія же заведенія въ то время.

Видя произведеніе на меня осмотромъ неважное впечатлѣніе, Трофимовскій старался меня увѣрить, что это лишь начало, что для радикальныхъ реформъ ему не хватаетъ матеріальныхъ средствъ и пр. Возможно, что указанныя имъ причины, дѣйствительно, существовали, но, сомнѣваюсь, чтобы и вполнѣдствіи ему удалось внести сколько-нибудь существенныя улучшенія.

Занятъ онъ былъ по горло до поздняго часа ночи, главнымъ образомъ, пріобрѣтеніемъ заказовъ на экстажи да на пріютиваніе денегъ для разныхъ расплатъ. Въ мастерскія, поэтому, онъ забѣгалъ на самое короткое время, при чемъ, — надо отдать ему справедливость, — обращался съ рабочими, насколько я могъ замѣтить, запросто, мягко, гуманно, что они, видимо, очень цѣнили. Несомнѣнно, для той эпохи Трофимовскій являлся исключительнымъ предпринимателемъ и оригинальнымъ человѣкомъ.

Я предложилъ ему свои услуги, выразивъ готовность безвозмездно заниматься по вечерамъ, въ воскресные и праздничные дни съ его рабочими, на что онъ охотно согласился. Если мы вспомнимъ, что въ тѣ времена такія занятія, вызывая подозрѣнія властей, считались дѣломъ неблагонадежнымъ, недозволеннымъ и могло повлечь за собою закрытіе заведенія и другія печальныя послѣдствія, то надо признать, что согласіе Трофимовскаго на мое предложеніе рекомендовало его съ хорошей стороны.

Само собою разумѣется, надумавъ заниматься съ рабочими, я имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, распропагандировать ихъ, но рѣшилъ дѣйствовать осторожно, постепенно.

Созвавъ всѣхъ своихъ рабочихъ въ ближайшее воскресное утро, Трофимовскій въ моемъ присутствіи сообщилъ имъ о моемъ намѣ-

рѣшил и предложилъ желающимъ заявить о своемъ согласіи заниматься. Но къ великому моему удивленію и огорченію, послышались отрицательные возгласы, въ родѣ: «Да зачѣмъ намъ учиться», «Мы и такъ проявляемъ», «Грамоту знаемъ, да она намъ ни къ чему» и т. п. Только очень немногіе заявили: «Что же, попробуемъ».

Въ полутемномъ, ше отличавшемся особенной чистотой и опрятловѣкъ десять. Я пришелъ съ сочиненіемъ Наумова «Сила солону ломить», заключающемъ въ себѣ рассказы изъ жизни горнорабочихъ, постыю помѣщеніи, служившемъ столовой и спальней, собралось чрезвычайно популярныя въ тѣ времена.

Выбравъ наиболѣе, какъ мнѣ казалось, интересный очеркъ, я началъ читать его собравшимся, полагая, что этимъ приѣмомъ захоочу ихъ къ занятіямъ. Но вскорѣ я убѣдился, что моя небольшая аудитория слушаетъ далеко не съ захватывающимъ интересомъ, а затѣмъ, то одинъ, то другой, наклонувъ на себя пальто, говорилъ сосѣду, что идетъ туда-то и приглашалъ его съ собою. Къ концу моего чтенія осталось четыре человѣка,—ясно было, что рабочіе не интересуются чтеніемъ. Думая, что хоть оставшіяся лица будутъ заниматься, я сообщилъ имъ адресъ моей квартиры и пригласилъ къ себѣ, такъ какъ въ моей комнаткѣ было удобіе и уютіе, чѣмъ въ ихъ общемъ помѣщеніи.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ я наступленія назначеннаго мною вечера, стараясь отгадать, придутъ ли всѣ четверо или только часть ихъ, а можетъ-быть, ни одинъ. Пришло двое. Я и имъ обрадовался и вновь приступилъ къ чтенію. Но вскорѣ замѣтить, что одинъ изъ нихъ, паренъ лѣтъ двадцати, зѣваетъ въ кулакъ. Я спросилъ его, развѣ ему не интереснѣ выбраннаго мною рассказъ. Онъ отвѣтилъ, что, наоборотъ, «очень занятенъ», да за день работы до того умахешься, что вечеромъ сильно спать хочется.

Раза три пришли эти парни ко мнѣ, затѣмъ зѣвавшій отсталъ и остался одинъ-единственный у меня слушатель, очень любознательный молодой рабочій, которому я продолжалъ читать все того же Наумова.

XI.

Между тѣмъ, отъ усиленныхъ моихъ занятій,—кромѣ умственнаго и физическаго «саморазвитія», я еще давалъ уроки для полученія средствъ къ существованію,—или вслѣдствіе сырости въ моей комнатѣ, я почувствовалъ какую-то боль въ груди. Выслушавшій меня молодой врачъ, мой хорошій пріятель, посоветовалъ мнѣ отправиться къ специалисту проф. Хрющевскому, что я и сдѣлалъ.

— Вы чѣмъ занимаетесь? Какое ваше ремесло?—спросилъ профессоръ, очевидно, принявшій меня по косовороткѣ и высокимъ сапогамъ за мастераго, что мнѣ, помню, было ужасно лестно.

Я сказалъ, что работаю въ столярной мастерской. Тогда профессоръ заявилъ, что для меня вредно это занятіе и посоветовалъ отправиться въ деревню, иначе, молъ, заболѣю.

«Ну, вотъ и профессоръ совѣтуетъ мнѣ отправиться въ народъ»,—помню, подумалъ я, возвращаясь къ себѣ.

Между тѣмъ, какъ тщательно ни скрывалъ я отъ близкихъ и знакомыхъ свое рѣшеніе посвятить себя революціонной дѣятельности, слухъ объ этомъ съ теченіемъ времени все же распространился, въ чемъ я убѣдился изъ слѣдующей бесѣды.

Однажды вечеромъ я встрѣтился со старымъ знакомымъ членомъ семьи съ докторомъ Социнымъ, знавшимъ меня еще ребенкомъ. Поздоровавшись, онъ прямо спросилъ, правда ли, будто я сталъ революціонеромъ? Я не считая нужнымъ скрываться отъ него. Это былъ не только хорошій, добрый человекъ, но и передовой, прогрессивный. Услыхавъ мой утвердительный отвѣтъ, докторъ Социнъ сталъ горячо убѣждать меня, чтобы я отказался отъ своего рѣшенія. Доводы его были обычные въ то время: «Погибнете ни за грошъ, ничего не добившись, будете потомъ жалѣть» и т. д. Исчерпавъ всѣ аргументы, онъ спросилъ: «Ну, скажите, чего вы хотите, на что надѣетесь». Я сказалъ, что хочу революціи. Социнъ расхохотался.

— Вотъ противъ этихъ вы хотите совершить революцію!—воскликнулъ онъ, показавъ на проходившій въ это время въблизи насъ взводъ вооруженныхъ солдатъ.—Да они преданы царю и отечеству и разнесутъ васъ вдрызгъ. Въ Россіи революція!—ея не будетъ и черезъ сто лѣтъ. Ни мы, ни наши дѣти не дождутся ея.

— Поживемъ, увидимъ!—отвѣтилъ я.

— Не увидите, потому что васъ сгноятъ въ тюрьмѣ, на каторгѣ.

— Но гдѣ, скажи, въ какой странѣ безъ жертвъ получена свобода?—процитировалъ я Рылѣева.

— Почему же вамъ быть этой жертвой? Вспомните вашу бѣдную мать, сестеръ!—сказалъ онъ.

— У другихъ также имѣются близкіе, съ которыми имъ тяжело расставаться.

Долго еще убѣждалъ и упрашивалъ меня этотъ передовой человекъ и въ заключеніе, махнувъ рукой, воскликнулъ:

— Я не узнаю васъ. Были благоразумнымъ юношей, а вдругъ стали неизлѣчимымъ фанатикомъ!

Съ грустью попрощался онъ со мною, очевидно, считая меня погибшимъ человекомъ. Послѣ этого мы больше уже не встрѣчались. Добрый докторъ оказался плохимъ пророкомъ въ двухъ отношеніяхъ: хотя я много затѣмъ испыталъ на революціонномъ пути, но рѣшительно никогда не жалѣлъ, что выбрать это, а не другое поприще, къ тому же революція произошла у насъ не черезъ сто лѣтъ, и я ея

дождался. А онъ самъ, удовольствовавшійся своею мирною профессіей,—какъ мнѣ потомъ сообщили,—умеръ еще не старымъ человѣкомъ.

Но я еще не сообщилъ, какъ моя мать отнеслась къ принятому мною рѣшенію. Не желая огорчать ее, я откладывалъ бесѣду съ нею со дня на день. Наконецъ, однажды, когда я, по обыкновенію, пришелъ домой обѣдать, сестра Соня, съ которой я вмѣстѣ росъ и учился и которая знала о принятомъ мною рѣшеніи, сказала мнѣ, что наканунѣ какая-то знакомая, встрѣтивши мать, къ слову, съ соболѣзнованіемъ упомянула, какъ объ общеизвѣстномъ фактѣ, о томъ, что я сталъ революціонеромъ. Ничего этого не знавшая мать моя была страшно поражена этимъ и, по словамъ сестры, горько плакала съ тѣхъ поръ.

Избѣгнуть тяжелаго объясненія было уже невозможно. Вышла мать вся въ слезахъ. Я сталъ утѣшать ее. Но что можно было сказать въ этомъ случаѣ? Я старался доказать бѣдной, плохо меня понимавшей матери, что иначе поступить я не могъ, что «отъ судьбы не уйдешь» и заранѣе не утадаешь, какая участь лучше и т. п.

Мать всегда вѣрила мнѣ, скорѣе чувствую, чѣмъ понимая, что я худого не сдѣлаю. Отчасти этотъ инстинктъ побудилъ ее примириться съ случившимся. И хотя передъ ея глазами проходили печальныя перспективы, предстоявшія ей, сестрамъ и мнѣ въ близкомъ будущемъ, тѣмъ не менѣе, она все же успокоилась подъ вліяніемъ разговора со мною, и ни въ тотъ день, ни въ слѣдующіе дни болѣе уже не возвращалась къ этой грустной темѣ.

Кончая эти воспоминанія о «дѣлахъ давно минувшихъ дней», я спрашиваю: могъ ли я не стать революціонеромъ?..

Левъ Дейчъ.

Петроградъ.
Сентябрь 1918 г.